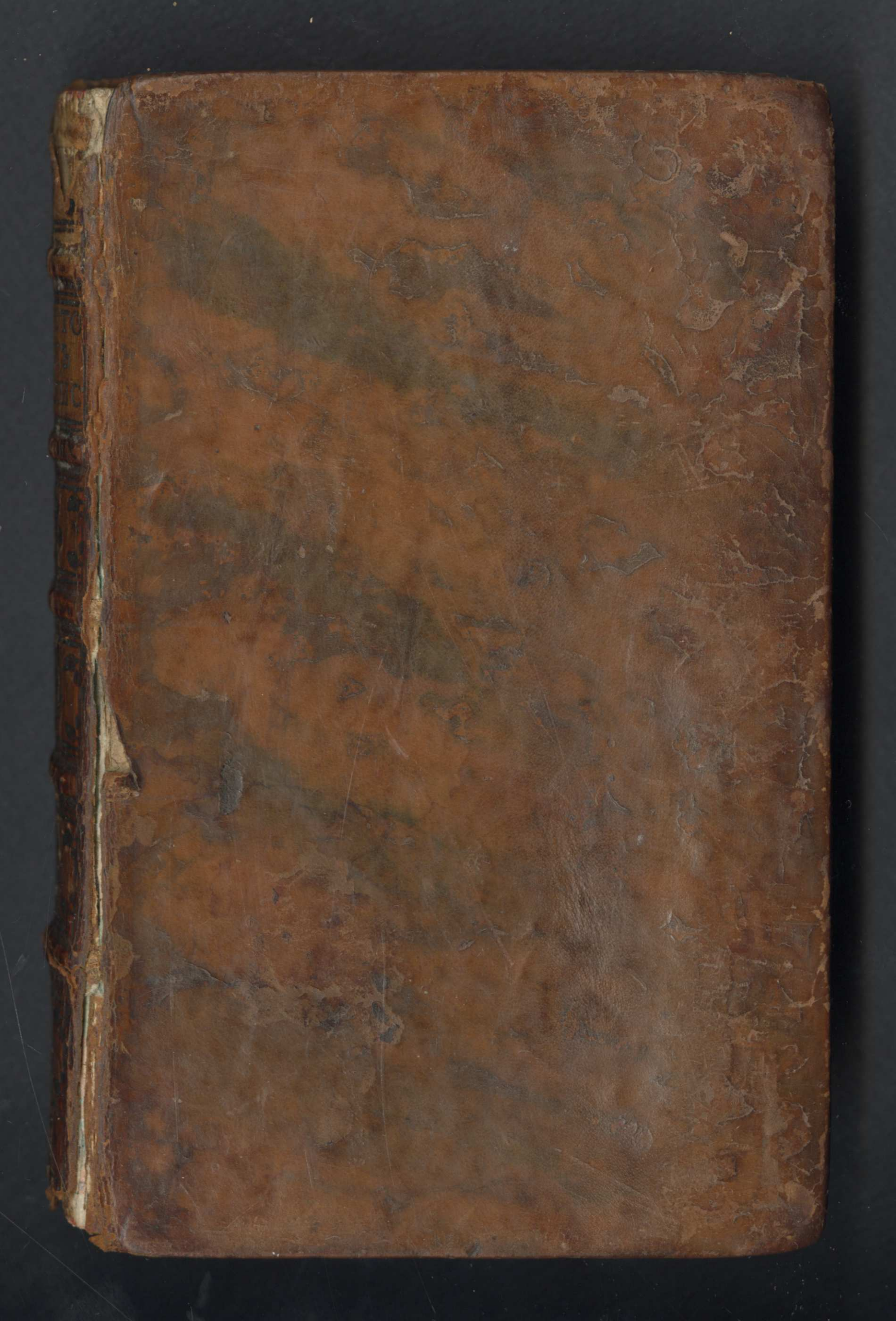



а
ур-
не

Золотой Вѣкъ
Дафнисъ,

или

любовь сопряженная природою пастуха съ пастушкою, которая основана на самой чистой сельской добродѣтели.

Переведенъ съ французскаго языка изъ Сочиненій Господина Геснера.

Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ въ типографіи содержателя Х. Ф. Клеэна.

1783 года.

Me junet in gremio doccte tegifse Puellae,
Auribus et puris fcripta probaffe mea:
Haec vbi contigerint, populi confusa valeto
Fabula, nam domina judice tutus ero.
Propert lib. II.

То есть

ВЪ объятьяхЪ дѣвы мнѣ ученой честь полезно,
И весело вниматъ творенїе любезно:
Коль збудется сїе, всѣхЪ презрю я хулу
Ученая отдастЪ правдиву мнѣ хвалу.
Пропєрцїя изЪ кн. 2.

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Какъ вы можете остаться въ городѣ, теперь, когда лишь только весна наступила? Вы не хотите видѣть цвѣтущія дерева и луга украшающіяся? Пріѣзжайте къ намъ въ деревню, вы найдете въ ней весну и меня, естьли вы не пріѣдете, то я вамъ желаю всякаго благополучія, да и желанія моего половина уже совершилась. Госпожа N. Сказала мнѣ, что вы сочинили книжку названную Дафнисъ *и мнѣ государь мой, вѣдать сего не должно! между протчими вы довольно знаетѣ величайшее мое удовольствіе, ко-*

торое нахожу я въ послѣдней вашей пѣсни я ее пою всегда. Какой вздоръ! сказала мнѣ госпожа Де.... Вы поете всегда одну песню, какъ скворецъ господина В.... Я ее пѣла недавно въ лугахъ при сїянїй луны и ею очень плѣнилась. Тогда же и соловей пѣть началъ, и хотя я съ удовольствїемъ слышала саму себя, однакожъ надлежало бы мнѣ перестать; ежели вы въ слѣдующей четвертокъ точно прїѣдете, то я васъ буду ожидать въ маленькомъ лѣсочкѣ, но не забудьте привезите съ собою Дафнниса, естьлижъ сего не учините, то я болѣе во всю мою жизнь не буду.

Вашею подругою Ф....

го-

ГОСУДАРЫНЯ МОЯ!

Кто можетъ вамъ не повиноваться, слышать отъ васъ такія угрозы? Вотъ *Дафнисъ*, да уже и напечатанной; не надобно лутче сего посвященія, которое служитъ на писмо ваше отвѣтомъ. Кому другому можно было мнѣ посвятить его кромѣ васъ? сверхъ того служитъ онъ къ вашему удовольствію, но и самая выгода, которую я имѣю, принадлежитъ такъ же вамъ (я опустилъ слово), вамъ одной я онымъ обязанъ, естьли въ немъ найдете любовь изображенную по природѣ. Я думая о Филидѣ,

дѣ, думалъ о васъ, а самъ былъ *Дафнисъ.* Щастливое для меня изобрѣтеніе къ сочиненію сего маленькаго романа! Онъ былъ мнѣ всегда пріятнымъ мечтаніемъ, которое нѣсколько разъ дѣлало отсудствіе ваше сноснымъ. Но какое пріятное удивленіе самого себя и васъ потерять во снѣ, и чувствовать оное пробудившись! Госпожу N. не можно унять отъ пустословія; я ее просилъ отъ всего моего серьца, чтобъ она ничего вамъ не сказывала; я бы сего не могъ таить чрезъ долгое время, а прочитавши вамъ, что сего сочиненія творецъ я, не сказалъ бы до тѣхъ поръ, доколѣбъ не узналъ, какъ бы вы о немъ судить безпристрастно стали, а чрезъ то

узналъ

узналъ бы я также мнѣнїе и всѣхъ знатоковъ.

Послѣ завтра, какое восхищенїе! послѣ завтра говорю, я буду близь васъ въ лѣсочкѣ, въ которомъ увижу васъ и весну. Но вспомните, сударыня, что посвятительное письмо по крайней мѣрѣ стоитъ ста поцѣлуевъ. Прощайте! я есмь.. Д...





ДАФНИСЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

На берегахъ Неата (*), которая изтекаетъ изъ горы Клибана, и пробѣгаетъ съ журчанїемъ сквозь зеленые луга и извивающїяся долины, похищающая съ стремленїемъ землю и дерева, пастушки имѣли не большой Нимфамъ посвященной островъ, которой высокїе кедры и маслины тѣнїю своею покрывали. Въ срединѣ сего острова находилася пещара для Нимфъ, высѣченная въ одномъ дикомъ камнѣ. Въ ней на тополовыхъ

 дере-

(*) Неатъ рѣка, находящаяся между Кротономъ и Пителїею и впадающая въ Іоническое море.

деревахъ съ особеннымъ искуствомъ вырѣзаны были ихъ статуи, держащїя въ рукахъ сосуды съ возложенными на главы ихъ вѣнками. Они казалися прохаживающимися подъ деревьями съ зелеными власами или плавающими во всѣхъ сторонахъ по берегу съ особенною лехкостїю, оттуда выходящими на оной камень и при восхожденїи солнечномъ усыпающими. Волны съ журчанїемъ прїятнѣйшимъ согласныхъ пѣсней тихо колебаясь ударялись объ корни ивъ по берегу насажденныхъ.

При наступленїи каждыя новыя весны пастухи и пастушки съ обоихъ береговъ приносятъ Нимфамъ цвѣты съ древъ, изображающихъ сводъ надъ рѣкою, и цвѣты родящїеся на берегахъ водныхъ, прося о укрощенїи волнъ, чтобъ не потопляли ихъ земли и не похищали дерева плодоносныя.

Нѣкогда въ пріятной весенній день съ обоихъ береговъ всѣ бошики переправились къ острову. Зеленыя вѣтьви благоуханныхъ деревъ и цвѣтовъ на поверьхности каждаго изображали сводъ покрывающей своею тѣнію пастушковъ и пастушекъ въ восхищеніи плывущихъ; тамъ по краямъ видны были изъ цвѣтовъ сплетенныя цепи оканчивающіяся перевязаніемъ лѣнтъ и украшенныя вѣнками, которыя отъ слабаго дыханія Зефира тихо возвѣвались: причемъ пристающіе къ острову присоединяли къ согласнымъ флейтамъ свои гласы. Множество младыхъ юношей на брегъ выходитъ, а съ ними купно выходятъ и дѣвицы, дѣвицы подвигшія богинь на зависть, что боги оставя ихъ единыхъ сошли съ Олимпа на облака для зрѣнія пастушекъ, кои тайно тщились взоровъ избѣгнуть боговъ не могущихъ рѣшиться, на которой бы изъ нихъ можно

было

бы́е остановить свое око; ибо красота ихъ имѣла различныя прелести въ удивленіе приводящіе: иные привлекали на себя зрѣніе величественнымъ тѣла своего станомъ; другіе бѣлизною своего лица и возвышенными своими раменами; съ одной стороны удивлялъ видъ не уступающій важностію Діанѣ; съ другой улыбка подобная Венериной; здѣсь младость представлялась на подобіе выходящія изъ стебля своего и распускающіяся розы; тамъ зрѣлость подобная тойже розѣ когда уже она совсѣмъ распустилась. Они удаляясь отъ брега входятъ по двѣ во священную пещеру и при ногахъ Нимфъ цвѣты свои разсыпаютъ, они окружаютъ ихъ цѣпями цвѣтовъ и украшаютъ ихъ вѣнками. Младыя Филлиды рядъ коснулся; она приближается для принесенія цвѣтовъ и вѣнковъ: она прекрасна была какъ самыя Граціи; радость и невинность начертанныя на ея маленькомъ личикѣ,

чикѣ, и изображающїяся при всякомъ ея движенїи, показывали не вѣроятную прїятность; черныя очи, робѣющїя отъ присудствїя другихъ, казали усмѣшку каждому взору предстоящему ея окрестъ, и сїя непобѣдимая усмѣшка не меньше торжествовала, сколько торжествуетъ и любовь. Такова младая роза прекраснѣйшая изъ всѣхъ цвѣтовъ родящихся окрестъ ея въ лугахъ покрытыхъ нѣжною зеленью; пчела летаетъ туда и сюда въ сомнѣнии ее, всѣ цвѣты другъ предъ другомъ къ себѣ привлекаютъ; она усматриваетъ розу, и никакого больше не ищетъ, нападая на оную.

Дафнисъ прекраснѣйшїй изъ всѣхъ тамо бывшихъ, задумчивымъ окомъ пробѣгаетъ все множество младостїю цвѣтущихъ дѣвицъ; онъ зрѣлъ тысячи взоровъ на себя устремленныхъ; обратившїя на него свои очи и представлявшїе свое лице съ большею

усмѣш-

усмѣшкою, показывали говорящими себя въ его уши. Онъ увидя Филлиду испускаетъ тяжкой вздохъ, лице его краснѣетъ, очи его на ней останавливаются; она усмотря его потупляетъ свои очи и отвращаетъ свое лице всего стыдящееся. Дафнисъ цепенѣетъ, сердце его трепещетъ, онъ взираетъ на нея робко, страшится во множествѣ другихъ дѣвицъ потерять ея, но она обращается въ глазахъ его безпрестанно. Она стояла не говоря съ другимъ дѣвицамъ ни одного слова, она имѣла потупленныя очи, какъ бы въ великой задумчивости, и послѣ сего съ живостїю бросила она на Дафниса взоръ свой. На семъ торжественномъ праздникѣ была дѣвица взрослѣе Филлиды, которая часто на передъ Филлиды выходила: но какъ скоро она отъ нея отдалялась, Дафнисъ сему смѣялся и взиралъ на Филлиду съ превеличайшимъ пламенемъ. Подобно сему смѣются

луга,

луга, когда луна выходитъ изъ облаковъ.

Уже всѣ цвѣты передъ ногами Нимфъ разсыпаны были и пастушки увѣнчали ихъ вѣнками; тогда пастухи и пастушки раздѣлившись на разные хоры построились одинъ противъ другаго. Дафнисъ сталъ противъ Филлиды и пастушки начали пѣть, каждой хоръ перемѣняя другой, въ честь Нимфамъ священныя пѣсьни.

„ Нимфы обитающія въ пещерахъ
„ рѣки (такимъ образомъ онѣ на-
„ чали) и вы другія Нимфы дающія
„ теченіе волнамъ съ журчаніемъ,
„ будьте милостивы и благопрія-
„ ствуйте пастушкамъ обитающимъ
„ на берегахъ сихъ водъ!

„ Мы во время прекрасныя весны
„ усадимъ берегъ вашъ цвѣтущими
„ древами; мы нарвавши цвѣтовъ

„ расту-

„ растущихъ при брегѣ принесемъ
„ въ священную пещеру вашу, о
„ Нимфы сея рѣки и высокихъ горъ!

„ Удостойте своея милости па-
„ стушковъ обитающихъ на брегахъ
„ сихъ водъ! не попустите вол-
„ намъ похищать плодоносныя де-
„ рева, сотворите, да не потопля-
„ ютъ оныя полей и луговъ. Та-
„ кимъ образомъ по долготѣ сего бре-
„ га могутъ пастися стада наши,
„ и вы можете прохлаждаться подъ
„ тѣнїю на брегу и цвѣтахъ.

Симъ образомъ хоръ дѣвицъ воз-
вышали свои гласы и пастушки къ
ихъ священному пѣнїю согласны
свои присоединяли флейты. Но Да-
фнисъ прилѣжно внимая пѣнїю Фил-
лиды, забылъ играть на своей флей-
тѣ.

Луна приближавшаяся чрезъ верь-
хи отдаленныхъ горъ, показывала
пасту-

пастухамъ и пастушкамъ время возвращенія въ ихъ ботики. Филлида такъ же съ прочими удалилась, взирая на Дафниса, и при вечернемъ свѣтѣ довольно имѣла отважности обозрѣть его со вниманіемъ. Она возвращается на брегъ медлѣнно, озирается, испуская тяжкія вздохи. Дафнисъ стоя конечно забылъ бы войти въ ботикъ, естьли бы его изъ задумчивости не вывели другіе. Онъ вошедъ во оной сѣлъ, но беспрестанно слѣдовалъ за плывущими на другую сторону ботиками печальнымъ окомъ. Все было исполнено радости и веселія; со всѣхъ сторонъ слышно было восхитительное согласіе пѣсней и флейтъ, которыя эхо на всѣхъ холмахъ съ пріятностію повторяло. Пастухи и пастушки съ Дафнисомъ на одномъ ботикѣ плывши смѣялись, играли и пѣли; одинъ Дафнисъ въ глубокомъ былъ молчаніи; онъ взиралъ на другую сторону, его не слышно было поющаго, какъ толь-

ко когда другїе пастушки пѣли нѣжностїю наполненную пѣсню, то и онъ также тогда выражалъ слова поражающїя сердце.

А вышедъ на берегъ въ крайней печали пошелъ прямо къ своему шалашу. Вошедъ въ оной подошелъ къ престарѣлому своему отцу, которой о возвращенїи своего сына исполненъ будучи радости смѣялся, и вопрошалъ его о новостяхъ, случившихся при торжественномъ праздникѣ; послѣ того родитель его разсказывалъ: сколько онъ разъ видѣлъ, какъ сїя свирѣпая рѣка отрывая берега купно съ деревьями обремененными презрѣлыми плодами, ярящимися волнами своими похищала. Онъ ему повторялъ оне однократномъ разбитїи пастушскихъ ботиковъ. Дафнисъ выслушавъ съ молчанїемъ и вышедъ изъ шалаша сѣлъ подъ деревьями, дѣлающими предъ сѣнью аллею, и при пасмурномъ сїянїи луны разсматривая всѣ окружающїе его предмѣ-

дмѣты, на конецъ впадая въ горчайшую печаль испускаешъ тяжкїе вздохи.

Въ какомъ я нахожусь состоянїи! сказалъ онъ тихо, что я чувствую? для чего не могъ я свести съ тебя моихъ взоровъ? откуда во мнѣ сїе беспокойство послѣ твоего отсудствїя? откуда мною ощущаемой сей трепетъ? отъ того ли, что я люблю! Обожаемая дѣвица, дѣвица! для чего ты безпрестанно обращаешься въ моихъ мысляхъ? Увы, я безпрестанно тебя вижу: да еще вижу черныя твои волоса, изъ которыхъ одна половина въ вѣнокъ заплетена, а другая разпустившись и около твоихъ рукъ, рукъ бѣлизною подобныхъ снѣгу, обвившись покрываетъ твои груди: сїи нѣжныя груди, сїи груди....! и твои черныя глаза за причинившїя мнѣ столько безпокойствїя въ то время, когда они другаго кого нибудь изъ пастушковъ

можетъ быть приводили въ смѣхъ; сіи взоры проникшіе всею силою во глубину души моей, когда они встрѣчаясь со мною дѣлали пріятность и улыбку! Ахъ! я тебя люблю! увы! естьли ты меня равномѣрно любишь? часто взоры наши встрѣчались, и ты лобызала меня своими очами, какъ и я тебя своими! Ахъ! естьли ты меня любишь столькоже! но гдѣ ты? увы! можетъ быть въ далечайшемъ отъ меня разстояніи твой образъ безпрестанно имѣть буду передъ глазами, онъ со мною будетъ когда я спать и когда пробужаться стану, онъ спутешествовать будетъ при провожаніи моего стада и по всѣмъ мѣстамъ за мною послѣдуетъ на берегъ источника и въ лѣса; но увы! можетъ быть безъ всякой пользы прекрасное твое лице воображать буду.

Дафнисъ по произнесеніи сихъ словъ оперся на пень и поднявши свои очи въ верхъ узрѣлъ луну въ прі-

пріятнѣйшей тишинѣ, а узрѣвъ и вздохнувъ сказалъ: такія я зрѣлъ въ моей любезной пріятности! она столькоже прекрасна, сколько ты блестящая луна; она столькоже прекрасна въ сравненіи другихъ пастушекъ, сколько ты въ разсужденіи другихъ свѣтилъ, окрестъ тебя блистающихъ. Сказавши сіе въ глубокое впалъ молчаніе, и послѣ того трепеталъ, воздыхалъ и говорилъ до тѣхъ поръ, какъ на конецъ сонъ принуждалъ его возвратиться въ свой шалашъ. А уснувъ во ономъ, ему представлялося во снѣ не иное что, какъ только образъ Филлиды; онъ пробужается и хочетъ ее обнять; но обманувшись его руки съ воздыханіемъ обнимали пустую тѣнь. Не слышно уже отъ него тѣхъ пѣсенъ, которыми Аврора встрѣчаема была. Онъ изъ своего шалаша выходитъ въ молчаніи, слѣдуетъ въ задумчивости за маленькимъ своимъ на паству гонящимся стадомъ; сыскиваетъ

тамъ другихъ пастушковъ, наполненныхъ веселія и взаимно другъ друга вопрошающихъ о произшествіяхъ случившихся на праздникѣ посвященномъ Нимфамъ. Одинъ показываетъ подаренную ему дѣвицею лѣнту, другой вѣнокъ, которой возложенъ былъ на него пастушкою. Сей показываетъ цвѣты, взятыя отъ груди своея пастушки, которая пѣла новую пѣсню, переняшую отъ другой дѣвицы на ботикѣ. Дафнисъ то слушая и не внимая ихъ разговоровъ съ болѣзненнымъ и прискорбнымъ духомъ сказалъ имъ, что онъ видѣлъ прекраснѣйшую дѣвицу. Они сіе услышавъ и довольно смѣявшись сказали: ты любишь сію дѣвицу, Дафнисъ! Онъ хотѣлъ утаиться, но пастухи довольно усматриваютъ изъ его лица; онъ краснѣетъ, и тѣмъ побуждаетъ ихъ къ большему смѣху.

Между тѣмъ его любовь всякой день усиливалась, общество пастушковъ

ковъ здѣлалось ему непріятно; онъ со своимъ стадомъ отдаляется по долготѣ источниковъ, которыхъ сладостное журчаніе проникало густоту кустарника. Вскорѣ послѣ сего не находитъ онъ пріятности и въ оныхъ. Онъ входитъ въ лѣса на сей сторонѣ берега стоящія, и взирая на другую сторону началъ плакать о своемъ съ пастушкою разлученіи. Подобно голубь воркуетъ, жалуяся и летая съ болѣзнію около дерева, подъ которымъ поселянинъ застрѣлилъ его голубку.

Дафниса не было болѣе между другими пастушками; они его всѣ любили, гдѣ Дафнисъ? говорили они; съ того самаго времени какъ насъ онъ оставилъ, нѣтъ у насъ больше веселія; онъ воодушевлялъ наши забавы; онъ всѣхъ пастуховъ былъ забавнѣе; онъ зналъ много пѣсенъ и всѣхъ лутче игралъ на флейтѣ. Равнымъ образомъ и пастушки спрашивали, гдѣ Дафнисъ? Но когда слы-

 шали

шали онѣ о его любви, многїе между ими оскорблялись.

Дафнисъ печаленъ будучи, часто сиживалъ на берегу источника, или въ лѣсу тѣнистомъ; его присудствїемъ тамъ всѣ оживотворялись; онъ сїи мѣста оставлялъ только тогда, когда принуждалъ его сонъ, въ которомъ видѣлъ онъ свою пастушку; онъ объявлялъ ей свою любовь; она краснѣла; онъ жалъ ее руку и оную цаловалъ; она хотѣла отъ его уйти, но онъ обнималъ ее колѣни; онъ плакалъ, она вздыхала и смѣялась. Она подлѣ его садилась; онъ безпрестанно ея обнималъ; она его цѣловала, и когда хотѣлъ онъ прижать ее къ своей груди, то онъ увы! чувствовалъ, что его пастушка въ дальномъ отъ его находится разстоянїи; тогда приходило ему на мысль, что можетъ быть онъ никогда ее не сыщетъ; онъ трепещетъ отъ страху и слезы изъ

глазЪ его льются ручьями. ВЪ семЪ изступленіи сыскиваетЪ онЪ ботикЪ, переплываетЪ на другой берегЪ, ищетЪ свою пастушку, перебѣгаетЪ всѣ холмы, быстрымЪ и безпокойнымЪ окомЪ заблуждаетЪ по лугамЪ и по долготѣ источниковЪ и на конецЪ всегда безЪ утѣшенія. И такЪ я вотще искать тебя буду? вскричалЪ онЪ тогда, во вѣки тщетно, я перебѣгать буду всѣ долины, всѣ лѣса, искать по всей долготѣ источниковЪ, о боги! какое щастіе, когда я тебя сыщу! и когда заключу тебя вЪ свои обьятія! тогда я обомру отЪ радости.

Какое древо скрываетЪ тебя подЪ сею тѣнію, прекраснѣйшая изЪ всѣхЪ дѣвицЪ. Часто онЪ думывалЪ, какой пріятной вѣтерЪ теперь тебя прохлаждаетЪ? какой зефирЪ играетЪ вЪ твоихЪ волосахЪ пуекрасныхЪ? не покоишься ли ты близь какова источника? Увы! теките, теките по-

койно

койно источники, и вы волны не возмущайте ея сновидѣнія; увы! естьли она обо мнѣ мечтаетъ; . . . но естьли представляется ей какой нибудь другой пастухъ, теките воды съ превеличайшимъ шумомъ. О боги! естьли ей видится кто нибудь другой, естьли она любитъ кого нибудь другаго, естьли ея нѣжныя руки обнимаютъ другаго, естьли другой цѣлуетъ ея прекрасныя щоки, увы! что со мною будетъ? О боги, что тогда буду дѣлать? увы! я предамся бѣгству, я заключу себя въ какую нибудь пещеру и послѣ. . . увы и послѣ умру безъ утѣшенія.

Купидонъ уже истощилъ всѣ свои силы въ собираніи плодовъ, все тогда было въ безмѣрномъ веселіи, одинъ только Дафнисъ никакой не могъ ощущать радости. Загорѣлые отъ сонца жатели, вызванныя зрѣлыми классами на поля, шли воспѣвая пріятныя пѣсни, и Дафнисъ также

вспо-

вспомоществовалЪ онымЪ, поелику вЪ сїе время стада паслись малымЪ пастуховЪ количествомЪ. Одни блестящими своими серпами классы пожинали рядомЪ, другїе вязали снопы; вЪ полдень и вЪ вечеру для отдохновенїя и приятныя пищи они соединялись подЪ тѣнїю какого нибудь вЪ близи находящагося дерева и жажду свою утоляли какимЪ нибудь прохладительнымЪ напиткомЪ, а послѣ того опоражнивая большїя кулганы вЪ честь Церерѣ пѣли похвальныя пѣсни, жатели связавши снопы сидѣли порядочно одинЪ противЪ другаго и всѣ вмѣстѣ пѣли. „ Ты классами увѣнчавающая Церера, мы благодаримЪ тебя за изобилїе жатвы, о которой мы веселимся. Послѣ того тѣ, которыя снопы вязали, пѣли слѣдующее: „ не утомимыя жа„ тели не ослабѣвайте отЪ блестя„ щихЪ вашихЪ серповЪ, и не при„ водите вЪ унынїе вязателей во „ время праздности. А жнецы: „ и

„ вы

„ вы прохладныя вѣтры жателей отъ
„ полей не отдаляйте, вѣйте для
„ прохлажденія нашего и для уто-
„ ленія лѣтняго жара. Тѣ, кото-
„ рыя вязали снопы, пѣли: „ зелено-
„ видные окрестъ насъ летающія
„ кузнечики да возбуждаютъ насъ
„ своимъ проницательнымъ крикомъ,
„ и ты кулганъ! да не оскудѣваешь
„ во время лѣтняго жара. Послѣ
„ того порядокъ жателей поетъ
„ вмѣстѣ: прохладной вечеръ прежде,
„ нежели ты возвратишься, можемъ
„ ли пожать и опустошить поля
„ обремененныя нивами, и мы съ ос-
„ тавшихся пустыхъ стеблей мо-
„ жемъ ли возвратиться съ пѣніемъ въ
„ домы наши. И послѣ того по-
„ ютъ они всѣ вмѣстѣ: „ Ты
„ увѣнвающаяся классами Церера, мы
„ благодаримъ тебя, за изобиліе
„ жатвы, о которой мы веселимся.

Такимъ образомъ жатели пѣли, и
послѣ того къ Дафнису они говори-

ли ты въ задумчивости находишь-
ся Дафнисъ? ты съ нами не поешь,
но Дафнисъ воздыхая не говорилъ
ни слова.

Поля не прежде опустошены были
своихъ плодовъ, какъ земледѣльцы па-
ки начали воздѣлывать землю, и
какъ въ сїе время пастухи пасли свои
стада, то нѣкогда Дафнисъ сидя
на берегу рѣки, слышалъ вдали столь
согласно двѣ играющїя флейты, что
еще такого согласїя никогда не слы-
хивалъ. Нѣжное удовольствїе обла-
дало его чувствами, и чемъ ближе
подходилъ онъ къ симъ прїятнымъ
тонамъ, тѣмъ болѣе ощущалъ онъ
сладости сердце у него трепетало
и производилось въ немъ сладостное
предчувствованїе, его овечки также
слушая позабыли свою паству. Пти-
цы на древахъ молчали, они также
слушали всѣ окружающїе предмѣты
въ сладкомъ молчанїи внимали столь
согласному игранїю между тѣмъ какъ
Даф-

Дафнисъ занятъ были столько же внятными слушаніями, малое дитя играя на двѣ флейты къ нему приближалось. Онъ имѣлъ пріятности распущающейся розы, нѣжное и блестящее тѣло ни чемъ не было у него покрыто, его круглыя и бѣлизною снѣгу подобныя руки были наги, его маленькое личико имѣло пріятность грацій, и позлащенныя на главѣ его власы и распущенныя украшены были розами.

Дитя приближается къ Дафнису, пронзенному пріятнымъ хладомъ. Пастухъ, сказалъ ему дитя, переправь меня за рѣку. Дафнисъ отвязываетъ ботикъ, дитя въ оной входитъ. Волны прежде сего съ яростію колебавшія ботикъ, спокойное пріявши теченіе, какъ бы для цѣлованія окружали оной, и отдаляяся съ пріятнымъ журчаніемъ. Они рѣку переѣхали въ скорости; послѣ чего дитя выскочивъ на берегъ, пастухъ! сказа-

ло оно, Дафнису, я купидонъ, боги любви, ступай туда, гдѣ сей источникъ протекаетъ сквозь лѣсокъ, проникни его до вершины, сїе будетъ наградою твоего труда.

Купидонъ сказавши сїе здѣлался невидимъ, и вдругъ на мѣстѣ томъ, гдѣ онъ сокрылся, разцвѣла роза. Дафнисъ трепеталъ и стоялъ объятъ будучи страхомъ. Онъ немедлѣнно оставляетъ сїе священное мѣсто. Онъ бѣжитъ къ источнику, онъ проникаетъ сквозь лѣсоки будучи въ смятенїи и восторгѣ. Увы! естьли я тебя сыщу Филлида, сказалъ онъ самъ себѣ; увы! естьли я тебя сыщу, какой награды отъ купидона ожидать буду? но я мечтаю! ахъ! естьли я сыщу Филлиду! вотъ что онъ говорилъ, отводя съ поспѣшностїю находящїяся передъ нимъ и между собою сплетшїяся вѣтьви лѣса. Наконецъ онъ приходитъ на одно мѣсто, гдѣ съ обѣихъ сторонъ были

откры-

открытой проходъ, дѣлающей не большую долину, испещренную цвѣтами и орошаемую источникомъ, которой тамъ разливался, извиваяся различными кривизнами.

Дафнисъ не долго разсуждалъ о окружающихъ его предмѣтахъ; онъ усматриваетъ Филлиду, лежащую у источника, одною рукою подпершуюся и простертую отъ болѣзни. Увы! естьли бы онъ былъ теперь, я бы его главу симъ вѣнкомъ увѣнчала. Увы! я бы ему сказала, что я его люблю; но гдѣ онъ? увы! въ дальнемъ отъ меня растоянїи, его здѣсь нѣтъ, но въ отдаленїи отъ меня онъ находится. Я разорву сей вѣнокъ. Она разорвала его и въ самомъ дѣлѣ и испустила изъ очей своихъ слезы. Послѣ сего слышитъ она нѣкого сквозь лѣсъ идущаго; она бросаетъ туда взоръ свой и усматриваетъ Дафниса. О боже! вскричала она, и скоро съ земли вскочила. Дафнисъ

нисЪ тамЪ стоялЪ весь вЪ смятенїи и трепетѣ какЪ укоренившееся дерево, а по томЪ вдругЪ летитЪ кЪ Филидѣ; она удаляется отЪ него. ОнЪ беретЪ ее за руку; она испускаетЪ слезы. ОнЪ цѣлуетЪ ее прекрасную руку и орошаетЪ своими слезами, воздыхаетЪ и не можетЪ выговорить ни слова; онЪ на нее взираетЪ наполненными слезЪ очами, сердце его не изЪяснимымЪ восторгомЪ, вЪ которомЪ оно было изображено вЪ семЪ взглядѣ. Филлида видѣла все произшествїе. Сердце ея трепетало; она извлекаетЪ изЪ своего младаго и дрожащаго сердца глубокїе вздохи, и слезы текли изЪ ея прекрасныхЪ очей. Филлида, вскричалЪ онЪ, и падаетЪ, обезсиленЪ будучи, сЪ нею на цвѣты. 'Филлида.... АхЪ!... я не вЪ силахЪ перенести восторгЪ сей. ДафнисЪ за нимЪ, вскричала она, АхЪ!... ДафнисЪ .. Послѣ молчитЪ и воздыхаетЪ. АхЪ! Филлида, вскричалЪ ДафнисЪ, сколько я терпѣлЪ безпокойства

послѣ того, какъ тебя увидѣлъ! Увы! я всегда тебя видѣлъ, ты мнѣ представлялася въ лугахъ, я зрѣлъ тебя въ лѣсу, я видѣлъ тебя во время моего сна, тебя видѣлъ и пробужаясь! Естьли ты меня любишь, то я равняюсь съ богами! Дафнисъ, сказала она воздыхая и потупя свои очи, увы! что я тебя люблю: вскричала она и лишась силъ упала въ его объятія. Тогда Дафнисъ цѣлуя ея щоку, цѣлуетъ вмѣстѣ и слезы текущія изъ гласъ ея. Онъ ея заключаетъ въ свои объятія и не можетъ произнести ни одного слова. Они пребыли оба долгое время безгласны; она прижалась къ Дафнису, обнимая трепещущую его руку; но скоро сіе толь сильное смятеніе перемѣнилось въ пріятные восторги, такъ по утишеніи непогоды и по укрощеніи бури розы и гвоздики находятся еще въ движеніи; но скоро послѣ успокоиваются и наполняютъ воздухъ, покойны будучи благовонымъ запахомъ. Зефиры возвра-

вращающѣся играть около сихъ цвѣтовъ, ихъ цѣлуютъ. Такимъ образомъ Дафнисъ и Филлида возвратились другъ къ другу; послѣ чего онъ ей разсказывалъ, сколько разъ переходилъ онъ потокъ сей; что онъ искалъ по берегу источника по холмамъ и долинамъ, и какъ возвращался безъ утѣшенія. Филлида также ему пересказывала, сколько она его полюбила, увидя на праздникѣ посвященномъ нимфамъ. Сколько разъ ходила она одна воздыхая на берегъ и сколько разъ плакала близь источниковъ и въ тѣнистыхъ лѣсахъ. Дафнисъ сказалъ ей и то, какимъ образомъ перевезъ онъ чрезъ рѣку купидона, какъ разцвѣла роза на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сдѣлался невидимъ, и съ какою поспѣшностію полетѣлъ онъ къ источнику.

Такимъ образомъ сидя вмѣстѣ они разговаривали и себя цѣлуя обнимались и изъяснялись въ своей любви; но какъ скоро примѣтили, что луна была уже надъ долинами, то обѣщались другъ съ другомъ видѣть-

 ся

ся близь источника, гдѣ онъ совершаетъ теченія своего половину. Увы! намъ теперь должно разстаться, сказали они воздыхая и не трогаяся съ своего мѣста, прости! Дафнисъ, сказала Филлида, прости! Должно..... должно, чтобъ я съ тобой разсталась; послѣ того она его цѣловала; она хочетъ итти, но остается на томъ же мѣстѣ; увы! должно..... мнѣ итти, отвѣчалъ Дафнисъ; послѣ того онъ ея обнимаетъ и тысячу разъ ея цѣлуетъ. По томъ на нѣсколько шаговъ удалясь другъ отъ друга, и обратно возвращаются, другъ на друга смотрятъ, отходятъ нѣсколько и снова цѣловаться начинаютъ. Прости Филлида, прости Дафнисъ! и на конецъ разстаются, но всегда оглядываясь назадъ и дѣлая знаки до тѣхъ поръ, покамѣстъ другъ друга потеряли изъ виду. Дафнисъ обратно приходитъ на берегъ въ восхищеніи; онъ цѣлуетъ розу на мѣстѣ томъ, гдѣ купидонъ стался неви-

видимымъ; онъ входитъ въ свой ботикъ и переплываетъ рѣку съ веселіемъ. Онъ поетъ пѣсни, и былъ въ толь сладостномъ удивленіи, что пѣсни его не имѣли силъ изъяснить радости своего сердца.

Вотъ и Дафнисъ возвратился съ веселымъ видомъ; онъ соединяется съ пастухами, поетъ ихъ пѣсни, играетъ на флейтѣ и съ ними рѣзвится; но полдень не могъ притти скоряе вечера: тогда онъ оставя свое малое стадо препоручилъ одному вѣрному другу, садился въ ботикъ и предпринималъ дорогу къ берегамъ ненаселяемаго источника, чтобъ тамъ сыскать дожидавшуюся его свою Филлиду.

Чѣмъ болѣе они видались, тѣмъ болѣе удивлялись своему свиданію, и почитали себя щастливѣе всего свѣта. Они тысячу разъ сказывали, сколько они другъ друга любили, при чемъ каждый изъ нихъ вѣрилъ, что сего

не было довольно сказать другому, до чего любовь ихъ доходила. Часто случалось, что Дафнисъ сидя на лонѣ Филлиды другъ отъ друга перенимали новыя пѣсни. Когда пѣла Филлида, тогда Дафнисъ сыскивалъ свою лутчую пѣсню, подобную пѣнїю соловья, и когда Дафнисъ игралъ на флейтѣ, Филлида сомнѣвалась, что панъ едва ли можетъ играть его лутче. Они часто другъ другу пересказывали исторїи. Дафнисъ повѣствованїе Филлиды слушалъ со вниманїемъ, или забавлялся игранїемъ цвѣтковъ, которые находились около ея грудей, и тогда онъ забывалъ порядокъ ея повѣствованїй и перерывалъ оныя тысячью поцѣлуевъ. Когдажъ что нибудь пересказывалъ Дафнисъ, тогда Филлида взявши его за подбородокъ главу его украшала вѣнкомъ, или кидала на него столь прелестные взоры, что онъ терялъ продолженїе последованїе своей исторїи.

Они

Они часто хаживали къ одному розовому кусту, который ими за вещь священную былъ почитаемъ; они за нужное почитали очистить его отъ паутины и защитить отъ всѣхъ другихъ приключенїй; они поднимая съ земли вѣтьви и ставили подъ нихъ подпорки, и въ семъ упражненїи пѣли они въ честь купидону пѣсни и взаимно обнимались.

Дафнисъ нѣкогда поймавши маленькую птичку принесъ ея къ Филлидѣ; она ей понравилась и въ награду за сїе подарила ему нѣсколько поцѣлуевъ. Она птичку взяла на руку и держала ея ноги между перстами, которая на ея рукахъ трепеталась; ее крылья были разноцвѣтны, она прыгала и свистала какъ бы кого къ себѣ призывая на помощь, между тѣмъ Филлида ея разсматривала; ты хочешь улетѣвши на сучокъ дерева меня оставить? сказала Филлида ей, какъ ты называешь-

ся? и твои товарищи? Ты хочешь, чтобъ они всѣ собрались ко мнѣ? Чего ты боишься! ты призываешь своего самчика? Ахъ къ чему! она призываетъ своего любезнаго; она жалуется ему на свою судбину, и можетъ быть сей бѣдной самчикъ и съ своей стороны также ея ищетъ. Ахъ Дафнисъ! я хочу ее опустить; вотъ что ее сожалѣніе побуждало къ нему говорить: послѣ того она разгибаетъ руку, птичка тотъ часъ улетаетъ и съ пѣніемъ перепорхиваетъ съ одной вѣтьви на другую. Филлида за нею слѣдуетъ глазами, какъ бы опасаясь, что птичка не можетъ сыскать своего самчика. Дафнисъ брося взоръ на свою Филлиду и примѣтя, что она печально потупила свои очи, въ смятеніи своемъ упадаетъ въ ея объятіи и ея цѣлуетъ; Филлида испустивши тяжкой вздохъ: ахъ Дафнисъ, сказала ему, увы! могу ли я тебя лишиться хотя на одинъ день? Ахъ есть-

ли я тебя лишуся, мои нещастія неизъяснимы будутъ, я умру отъ болѣзни! Сіе разсужденіе много тронуло Дафниса.

Нѣкогда будучи они вмѣстѣ увидѣли себя покрытыхъ облаками; и когда дождь началъ опускаться, тогда они спасались гоня предъ собой Филлидино стадо и укрывались въ одномъ покрытомъ гротѣ, котораго путь устланъ былъ плющемъ по земли віющимся; они вошедши въ гротъ стадо свое оставили у входа. Дафнисъ въ срединѣ сего грота увидѣлъ кипарисъ, подлѣ котораго находился источникъ воды. Онъ сему удивясь думалъ, что сей гротъ принадлежалъ какой нибудь нимфѣ, или какому божеству. Но скоро они послѣ того взглянувши другъ на друга съ усмѣшкою увидѣли въ гротѣ пастушка сидящаго въ кустарникѣ, который былъ около источника; онъ тамо дѣлалъ пастушскіе флейты. Онъ оборотился

ся

ся для ихъ поздравленія: щастливъ да будетъ приходъ вашъ, дорогія пастушки, сказалъ онъ имъ. Можетъ быть желали бы вы здѣсь лутче быть на единѣ? Не правда ли это, прекрасная молодая пастушка? Купидонъ имѣетъ и часто имѣлъ здѣсь свою забаву съ прохлажденіемъ. Но вы мои дѣти цѣловаться можете столько, сколько хотите, я не буду къ вамъ оборачиваться..... Нѣтъ пастухъ, прервавши рѣчь его съ негодованіемъ сказала ему Филлида: мы пришли сюда для избѣжанія дождя, и какъ меня цѣловать станетъ, станетъ? Тогда Дафнисъ къ нему приближившись сказалъ: ты дѣлаешь флейты? Да, отвѣчалъ пастухъ, да еще и самыя лутчія, никто лутче меня и столь хорошо не сдѣлаетъ, весь свѣтъ флейтъ моей работы желаетъ. Вчера пастухъ далъ мнѣ двѣ овечки за одну флейту, на которой я пѣсни птицъ и самаго соловья игралъ столь пріятно, что всѣ отдаленнѣйшія дерева,

рева собирались на вѣтьви дерева, подъ которымъ я былъ. Дафнисъ взявши одну флейту сказалъ: я хочу играть пѣсню Клои, а ты Филлида пой со мною.

Черноволосой пастушокъ, такимъ образомъ Филлида пѣла съ видомъ наполненнымъ веселія и тономъ пріятнѣйшимъ самыя флейты. „ Черно„ волосой пастушекъ, пасущій свое „ стадо въ долинѣ, усажденной буко„ выми деревьями; увы! когда я про„ хожу мимо тебя и ищу свою овеч„ ку, которая никогда была не по„ теряна; когда я, будучи, украшена „ вѣнкомъ, на тебя взглядывала, и „ когда я поздравляла тебя съ весе„ лымъ видомъ и улыбкою; увы! для „ чего ты тогда не могъ понять мо„ ихъ мыслей? Сего дня я смотрѣ„ лася въ прозрачную воду; я кидала „ на тебя такіе же взоры, какими „ и отъ тебя была провождаема; я „ имѣла видъ веселой, какой тебѣ

обы-

„обыкновенно показываю; мои маленькія губы, какъ я думаю, имѣли „пріятную улыбку. Тебѣ должно было видѣть въ моихъ черныхъ глазахъ весьма много вещей, о которыхъ они тебѣ говорили, а ты „боязливой пастухъ! ты не хотѣлъ „понимать моей къ тебѣ склонности; скажите мнѣ вы другія нимфы, скажи и ты купидонъ? какимъ образомъ могла я лутче изъясниться, что я его люблю?

Ты чрезмѣрно пріятно пѣла сію пѣсню, скасалъ пастухъ Филлидѣ, а тебя Дафнисъ заклинаю паномъ, что я столь хорошо играть не могу, я дарю тебя сею флейтою, она стоитъ больше тучнаго еленя. Но сыграй еще и сію пѣсню? Вы протчія дѣвицы, которыя бываете не чувствительны . . . . . Сказалъ онъ Дафнису: сія пѣсня въ старину пѣвалась, и мало сыскать можно такихъ пастуховъ, которые бы ее знали; ее называ-

зывают пѣснею Неаты; а называют так ее по тому, что в ней содержится исторія в сей рѣкѣ обитающаго Бога, также и грот сей называется гротом Неата, поелику здѣсь исторія сія происходила. Дафнис просил его, чтоб он сыграл сію пѣсню; тогда пастух взял флейту, играл с толикою пріятностію, какую оказывает соловей ко время своего пѣнія. Теперь я тебѣ буду подражать, и могу оную играть столько же хорошо, сколько и ты, сказал Дафнис: я хочу оную играть с тѣм, чтоб ты пѣл. Они начали: и вот что пастух пѣл.

„Вы протчія дѣвицы, которыя „бываете нечувствительны и в „то самое время, когда любовь при„нуждает трепетать ваше серд„це, и нѣжную грудь вашу воспла„мѣняет, послушайте меня, как „боги наказали Нимфу, послушай„те пѣсни Неатовой.

„Неат

„Неатъ когда плавалъ на своей „лодочкѣ и волны поднимались съ „стремленіемъ; тогда онъ поднявши окропленную свою голову вмѣстѣ и съ сплетенным изъ розовыхъ „цвѣтовъ вѣнкомъ, съ котораго падали капли, и обтирая свои очи „видитъ, видитъ онъ Нимфу вшедшую въ воду; какъ ты прекрасна! „сказалъ онъ тихо, какъ ты прекрасна! Какая бѣлизна на нѣжныхъ „твоихъ грудяхъ! коль пріятны „твои лядвіи и коль они бѣлы! какъ „волны играютъ около твоихъ круглыхъ коленей? какъ они покушаются взойти на самую высоту. „Ахъ! Нимфа! и воздыхая онъ приплываетъ къ берегу. Нимфа видя „сіе спасается; она слѣдуетъ съ „такою поспѣшностію, какъ Елень; „она переплываетъ чрезъ цвѣты какъ „Зефиръ; онъ будучи утомленъ едва „можетъ вскричать: ахъ Нимфа! „для чего ты меня убѣгаешь? Нимфа вбѣгаетъ въ гротъ, увы!

для

„ для чего она не спасалась бѣгсп-
„ вомъ далѣе сквозь лѣса густыя?

„ Вы протчія дѣвицы, которыя
„ бываете нечувствительны и въ
„ то самое время, когда любовь при-
„ нуждаетъ трепетать сердце ваше,
„ и нѣжную вашу грудь воспламеня-
„ етъ, послушайте меня, какъ боги
„ наказали Нимфу, послушайте пѣ-
„ сню Неата.

„ Неатъ думалъ уже обнять ея
„ нѣжное тѣло; помогите мнѣ, о бо-
„ ги! вскричала она, и претворите
„ меня въ кипарисъ. Едва она успѣ-
„ ла сіе выговорить; то ноги ея
„ въ землѣ окоренились. Сердце ея въ
„ туже минуту одѣлося корою, она
„ наполнилась страха и ужаса и вся
„ трепетала; нещастная Нимфа во-
„ здыхаетъ и возведши къ небу свои
„ руки, которыя начали превращать-
„ ся въ вѣтьви, о боги! вскричала она,
„ почто толь скоро услышали мою
„ молит-

„молитву? Ахъ Неатъ! ахъ Нимфа! вскричалъ за нею Богъ рѣки сея; „когда онъ обнималъ ея кору, тогда она покусилась обнять его своими вѣтьвями; но сїе было тщетно, Нимфа мертвѣетъ и съ кипариса падаютъ листья. Богъ въ своемъ гнѣвѣ ударяетъ ногою въ землю и послѣ удара, произшедшаго отъ его ноги, на семъ мѣстѣ изтекаетъ источникъ.

„Вы протчїя дѣвицы, которыя бываете нечувствительны и въ то самое время, когда любовь принуждаетъ трепетать сердце ваше, и нѣжную вашу грудь воспламѣняетъ, послушайте меня, какъ боги наказали Нимфу, послушайте пѣсни Неата.

Такимъ образомъ когда пѣлъ пастухъ, то Дафнисъ съ Филлидою слушали его пѣсни съ восхищенїемъ. Что сїе, гротъ ли? кипарисъ ли сїе? спра-

спрашивалъ Дафнисъ. Да, отвѣчалъ ему пастухъ, вотъ источникъ и кипарисъ. Мнѣ кажется, сказала Филлида, мнѣ кажется, что во время сея пѣсни листы кипариса съ особеннымъ движенїемъ колебались. При семъ случаѣ казалось имъ, что ночь скорѣе обыкновеннаго приближилась.

Дафнисъ нѣкогда будучи на берегу источника, не нашелъ тамъ своея Филлиды, и для уменьшенїя своея нетерпѣливости забавлялся вырѣзыванїемъ своихъ именъ на корѣ деревъ; послѣ чего игралъ перемѣнныя пѣсни, а по томъ вышедши изъ терпѣнїя взошелъ на превысокое дерево, дабы увидѣть, нейдетъ ли его Филлида; на конецъ сшедъ съ онаго, ходилъ туда и сюда съ удивительнымъ безпокойствомъ; напослѣдокъ видитъ идущую къ себѣ Филлиду, которая была безъ вѣнка, и волосы ея лежали нерадиво разбросаны по плечамъ; она шла потупивши глаза и печальными

стопами. Дафнисъ видя ее идущую въ безобразіи устрашился; блѣдность по его лицу разливается, сердце трепещетъ; онъ идетъ къ ней въ трепетѣ, принимаетъ у нее руку, которая ослабѣвши упала въ ея, словъ у него недоставало, и будучи въ страхѣ не отважится онъ спросить о ея нещастіи. Филлида взираетъ на его слабымъ окомъ, видомъ наполненнымъ нѣжныя болѣзни отягчаемыя слезами. Увы! Дафнисъ, сказала ему тихо и прерывающимся голосомъ: Дафнисъ! послѣ того она замолчала и источникъ слезъ изъ ея очей проливался. Дафнисъ видя сіе со трепетомъ вскричалъ: великіе боги! какое нещастіе? ...... Въ моей ли возможности состоитъ твое спасеніе Филлида? Моя жизнь можетъ ли сохранить твою? Дафнисъ, повторила она, увы! .... Дафнисъ требуютъ...... Увы! требуютъ, чтобъ я другаго, а не тебя любила. Дафнисъ по сихъ словахъ объятъ былъ

стра-

страхомъ, на подобіе того человѣка, которой имѣя подъ ногами камень, въ готовности былъ объ оной предкнуться. Хладной оросилъ его лице, онъ смотря на Филлиду пристально и лишившись силъ упалъ съ нею на цвѣты. Дафнисъ, продолжала она, требуютъ, чтобъ я любила Ламона, того пастуха, котораго стадами цѣлыя поля покрыты. Увы! требуютъ, чтобъ я сего любила; онъ представляетъ матерѣ моей свои многочисленныя стада и свои пространныя поля, онъ упрашиваетъ меня въ супружество, и что всего болѣе Дафнисъ, сія нѣжная мать, которая полагая удовольствіе въ моемъ согласіи, принимаетъ его представленіе за великое щастіе, какое только мнѣ случиться можетъ; она требуетъ, увы! она требуетъ, чтобъ я его любила. Сказавши сіе начала съ Дафнисомъ плакать. Послѣ того она такъ говорила Дафнису: отри свои слезы любезной Дафнисъ, какъ! могу ли я лю-

бить другаго, хотя бы всѣ поля покрылись его стадами; однакожъ сїе богатство сдѣлаетъ ли мнѣ его любезнымъ? Нѣтъ Дафнисъ, нѣтъ, ты мнѣ одинъ любезенъ, ты любезенъ, не взирая на твой недостатокъ, твоя нѣжность и твоя добродѣтель дѣлаютъ тебя любезнымъ. Ты одинъ, котораго я хочу любить. Сказавши она сїи слова его обнимаетъ...... Но увы! вскричала она, пылая къ тебѣ любовїю я буду непослушною нѣжнѣйшей изъ всѣхъ матерей, я возмущу спокойствїе ея старости болѣзнїю и печалїю! Ахъ Дафнисъ! коль я нещастлива! нещастлива повинуясь, нещастлива не повинуясь.... Дафнисъ, отри свои слезы, я въ неизъяснимую печаль погружаюсь, повинуйся богамъ наказающимъ преслушныхъ; ежели ты имъ будешь послушенъ, они тебя сдѣлаютъ щастливымъ! я поспѣшаю и..... Увы! въ отчаянїи тебя видѣть! я спѣшу къ нещастїю, да я

во всю мою жизнь окружаема буду нещастїями ?..... ВотЪ какимЪ образомЪ любовь и добродѣтель между ими имѣли сраженїе, они долгое время пребывали вЪ молчанїи, болѣзнь и вздохи препядствовали имЪ разговаривать; на конецЪ Филлида начала говорить, она Дафниса заключила вЪ свои объятїя и воспламененными отЪ любви очами сказала ему: ахЪ! ДафнисЪ обыми меня! я хочу тебя любить. ДафнисЪ, я повергнусь кЪ ногамЪ моей матери, когда она будетЪ предлагать о сей новой любви, тогда я повергнусь кЪ ея ногамЪ, я возьму ея колѣна и я буду проливать слезы до тѣхЪ порЪ, покамѣстЪ она не будетЪ тронута сожалѣнїемЪ, и не согласится на нашу любовь. Конечно Филлида, отвѣчалЪ ДафнисЪ вЪ восхищенїи, обЪими ея колѣни, проливай предЪ нею слезы и ноги ея ороси своими слезами, и не отступай отЪ ея, доколѣ она не склонится на нашу любовь и не утвердитЪ

оныя; она и сама съ тобою прослезится и будучи тронута сожалѣнїемъ согласится на нашу любовь.

Дафнисъ возвратился оттолѣ столько же исполненъ безпокойствїя, сколько и надежды. Слѣдующїй день едва только кончалъ половину своего теченїя, а онъ уже и перешелъ рѣку. Филлида уже ожидала его у источника, онъ къ ней поспѣшаетъ и ея цѣлуетъ. Ея веселой видъ предвѣщаетъ Дафнису, что она ему сказать имѣетъ какую нибудь радостную вѣдомость; она сѣла на траву, а подлѣ нея сѣлъ и Дафнисъ, одною рукою обнявши, а другую положа на ея колѣни. Дафнисъ, сказала она ему, мы щасливы и сказавши сїе она его поцѣловала, а онъ съ своей стороны заплативши ей своимъ поцѣлуемъ прижалъ ее къ своей груди; мы щасливы! продолжала она, я вчера возвращаясь встрѣтила мою матушку въ маленькомъ лѣсочкѣ стоящемъ

щемъ противъ нашего шалаша; она при сїянїи луны собирала виноградныя кисти къ землѣ приклонившїяся; я вошедши ее поздравила; благодарствую моя любезная Филлида, сказала она мнѣ: и послѣ того меня спросила, напоено ли мое стадо; ты скоро будешь имѣть великое стадо, продолжала она: сей Ламонъ изъ сосѣдственныхъ пастушковъ имѣетъ превеликое стадо. Сїе неожидаемое начало меня устрашило и я начала плакать; она оставя свое упражненїе на меня смотрѣла, и послѣ того спросила: для чего проливаешь слезы? И когда я еще не переставала, то она болѣе имѣла причины вопросить меня однажды: о чемъ ты Филлида плачешъ? Тогда я ей отвѣчала прерывающимся голосомъ: ахъ матушка! моя любезная матушка! не оскорбляйтесь, я проливаю слезы, увы! ежели я проливаю источникъ слезъ, сїе означаетъ, что я не буду любить Ламона! По произнесенїи сихъ словъ

я предъ нею поверглась, и обняла ея колѣни; увы! не оскорбляйтесь, сказала я ей: не оскорбляйтесь моя любезная матушка, я не буду, увы! нѣтъ, я не буду любить Ламона. Я уже люблю...... Но увы! отважусь ли я сказать? Я уже люблю пастушка съ другаго берега, всѣхъ лучшаго и добродѣтельнаго. Сказавши сїе имѣла я лице приклоненное къ ея колѣнямъ не переставая проливать горкїя слезы; хотя онъ имѣетъ малое стадо, но онъ подлинно любви достойнѣйшїй пастухъ и добродѣтельный! Послѣ сего я замолчала, и поднявши свои глаза увидѣла изъ очей матушкиныхъ текущїя слезы: она съ нѣжностїю мнѣ подала руку и поднявши сказала, нѣтъ Филлида: я не буду препятствовать любви твоей; но Филлида любовь обманчива, я не могу на твое требованїе не увидѣвши твоего любовника и не увѣрившись подлинно о его добродѣтели, ничто не можетъ учинить тебя щасшли-

тливою. Послѣ того, какъ она сіе сказала, я обѣщалась ей привести тебя въ нашъ шалашъ. Дафнисъ вставши исполненъ будучи радости цѣловалъ свою Филлиду; онъ ея обнявши держалъ въ своихъ объятіяхъ; они другъ друга прижали изъ всей своей силы и цѣловались столько, сколько имъ было можно.

Дафнисъ послѣ того говорить началъ: послушай любезная моя Филлида, твоя родительница о нашей любви не извѣстна, но...... безъ сомнѣнія по приходѣ моемъ въ вашъ шалашъ я твоей родительницѣ могу ли понравиться? Къ чему? отвѣтствовала Филлида, ни малѣйшаго нѣтъ въ томъ сумнѣнія, что ты ей понравишься. Продолжалъ Дафнисъ, но мой родитель еще не знаетъ, что мы другъ друга любимъ, я иду, иду возвѣстить ему о взаимной нашей любви; но вѣдаешь ли ты, какія намъ принять должно мѣры? Пойдемъ со мною, я тебя ему представлю; и

когда онѣ тебя увидитъ, то не умѣдлитъ сказать точную правду: Дафнисъ, ты учинилъ чрезмѣрно хорошей выборъ!

Филлида согласившись на сїе просила Дафниса набрать цвѣтовъ для украшенїя себя вѣнкомъ вновь плѣтеннымъ. Когда Дафнисъ пошелъ искать цвѣтовъ, тогда Филлида прекрасное свое лице умыла изъ источника, текущаго прозрачною водою. Дафнисъ не умедлилъ возвратиться наполнивши шляпу свою различными цвѣтами, изъ коихъ иные были пестровидныя, другїе бѣлизною подобились снѣгу, сїи были голубаго цвѣта, а сїи позлащенны на подобїе звѣздъ, другїя подобились устамъ Филлиды. Онъ высыпавши на ея колѣни, и самъ подлѣ ея садится; и когда она сплетала свой вѣнокъ, и всѣ различные цвѣты располагала съ удивительнымъ искуствомъ, тогда онъ завивалъ чорные ее волосы и бѣлую грудь у-

кра-

крашалЪ цвѣтами. Лишь только Филлида надѣла на себя вѣнокЪ, тогда казалось Дафнису, что еще никогда не видалЪ толь красоты прелестной. ОнЪ сказалЪ отЪ радости и далЪ ей руку, для провожденія кЪ берегу, гдѣ они сѣли на ботикЪ безЪ замедлѣнія и переплыли на другую сторону.

ОнЪ привелЪ ея кЪ своему шалашу: я войду вЪ оной, сказалЪ онЪ ей, а ты Филлида подожди мало подЪ симЪ входомЪ, я не замедлю возвратиться, чтобЪ тебя представить моему батюшкѣ.

ОнЪ входя вЪ свой шалашЪ стоитЪ не говоря ни одного слова, краснѣетЪ, потупляетЪ свои очи, и послѣ того вдругЪ сказалЪ: батюшка! .... А прервавЪ молчаніе вторично сказалЪ: любезный мой родитель. Добросердечной старецЪ видя его смущеніе спросилЪ: ДафнисЪ? о чемЪ

ты смущаешься? Тогда краска лице его покрыла и онъ кромѣ сихъ словъ не могъ ничего отвѣтствовать; ахъ! батюшка, я люблю! и послѣ того замолчалъ онъ. . . . . Ты любишь, сказалъ ему старецъ, ты любишь, повторялъ ему онъ подавая руку; и кого ты любишь? тогда Дафнисъ къ своому отцу приближается, онъ руку свою влагаетъ въ старцову, ахъ родитель мой, сказалъ Дафнисъ, я люблю самую лутчую и прекраснѣйшую изъ всей страны сей дѣвицу! Ты щастливъ Дафнисъ, отвѣчалъ ему старецъ, однакожъ не ослѣпляйся красотою; ты щастливъ, естьли она любитъ боговъ, которыя всѣ видятъ съ высоты Олимпа; они ее благословятъ: но Дафнисъ! любовь обманчива Нѣтъ, отвѣтствовалъ онъ, нѣтъ, она меня не обманула; и сїи слова сказавши выбѣгаетъ ко входу, принимаетъ Филлиду за руку и вводитъ ее въ шалашъ.

Она вошедши въ него стояла; ея невинность принуждала краснѣть; она имѣла голову потупленную, и наклоненную къ груди, едва смѣла она бросать изъ подъ своего вѣнка по случаю нѣкоторые взоры: Дафнисъ иногда взиралъ на своего отца и удивляясь примѣчалъ, что добросердечной старецъ не спускалъ очей своихъ съ Филлиды; ему прїятно было видѣть, съ какимъ дружественнымъ видомъ взиралъ на нее отецъ его; иногда онъ бросалъ свои взоры на Филлиду и усмѣхался видя ее робость; онъ беретъ ее за руку, приводитъ къ простодушному старцу, съ нѣжностїю цѣлуетъ ее руку своего родителя. И Филлида, сказалъ онъ, цѣлуй также руку превосходнѣйшаго родителя; и она сїе исполнила съ радостїю.

До того времени старецъ со вниманїемъ разсматривалъ, не говоря ни слова, но по томъ возопилъ онъ испуская вздохи: увы! какїе сїи черты

суть, зримые мною на твоемЪ лицѣ исполненномЪ невинности? Любезное дитя! ахЪ! вотЪ черты Палемона! конечно сіи черты суть истиннѣйшаго друга! вотЪ улыбка показывающая на его лице вЪ своей младости; онЪ мертвЪ, увы! и я сЪ имЪ лишился половины моего щастія! скажи дитя мое! скажи не дочь ли ты Палемонова?

Да, отвѣчала ему Филлида, да я дочь Палемонова; но увы! мои очи никогда не зрѣли моего родителя, моя мать питала меня своими сосцами, когда онЪ скончался. Она всякой день исходитЪ проливать слезы подЪ растущими кипарисами, которые пастушками около его гроба усаждены были; она туды всякой день исходитЪ проливать слезы и на семЪ гробѣ, сего добросердечнаго отца, которой произвелЪ меня вЪ свѣтЪ.

По произнесеніи Филлидою сихЪ словЪ старецЪ встаетЪ и обнимаетЪ

ея

сея будучи въ трепетѣ; дщерь моя! и лишившись силъ упалъ онъ на стулъ позади его стоящїй. Испуская тяжкїе вздохи возвелъ онъ очи свои къ небу, взялъ руку сея дѣвицы, и слезы отъ радости лїющїяся препятствовали ему говорить. Дафнисъ до того времени стоящїй въ радостномъ восторгѣ поспѣшимъ возставить добродѣтельнаго старца, угостить свою любезную Филлиду, и для того пошелъ искать корзинку съ виноградомъ, миндалемъ, апелсинами и яблоками; ничто радости его изъяснить было не въ силахъ. Онъ скакалъ, пѣлъ, идучи искать сихъ плодовъ. Дафнисъ! сказалъ онъ самъ себѣ, ахъ! Дафнисъ, какъ ты щастливъ! никого въ свѣтѣ, никого нѣтъ тебя щастливѣе! таковы были его восторги, когда онъ поспѣшалъ поставить на столъ корзинку. Добродѣтельной старецъ посадилъ Филлиду подлѣ себя и Дафнисъ сѣлъ подлѣ нее съ другую сторону; и выбиралъ

биралъ самые лутчїе орѣхи и яблоки, подавая Филлидѣ. Здѣсь признаться должно, что когда онъ ей подавалъ оные плоды, покрытъ былъ такимъ же румянцомъ, какъ при входѣ въ шалашъ имѣла Филлида.

Старецъ наконецъ говорить началъ: увы! сказалъ онъ, въ какомъ веселїи и въ какомъ щастїи протекли бы мои лѣта въ дружествѣ Палемоновомъ? Ахъ! искреннѣйшїй другъ! сколь онъ былъ добродѣтеленъ! онъ былъ бѣденъ, но и при недостаткѣ своемъ онъ не переставалъ быть щедрымъ, никто столько, сколько онъ, богамъ жертвоприношенїй не дѣлалъ; онъ не имѣлъ почти овецъ, кромѣ тѣхъ только, кои даваемы были ему въ награду за пѣсни; ибо въ его время никто не пѣлъ его лутче; пѣвцы приходили издалека, чтобъ спорить съ нимъ о превосходствѣ пѣнїя, и онъ всегда получалъ надъ ними побѣду. Сколько ни малочисленно

сленно было его стадо, однако каждой годЪ закалалЪ онЪ вЪ жертву двухЪ младыхЪ козленковЪ, хотя бы должно было и хлѣба своего лишиться для покупки оныхЪ. Простосердечїе всегда ему сопутствовало, и вЪ самомЪ злоключенїй оно кЪ немЪ примѣтно было; онЪ проливалЪ слезы, когда видѣлЪ другихЪ вЪ нещастїи, и тогда чувствительна и болѣзненна была ему бѣдность, когда препядствовала она подать вспоможенїе. Таково было Палемоново добродушїе: вотЪ что дѣлало его любезнымЪ! ОнЪ скончался, увы! онЪ скончался вЪ цвѣтущихЪ лѣтахЪ! всѣ окрестныя пастушки соболѣзновали о его смерти, каждой изЪ нихЪ лишился искреннѣйшаго друга. Никогда толь многочисленно вЪ сїи страны пастушки не собирались, какЪ только вЪ день его погребенїя; они всѣ за его тѣломЪ слѣдовали сЪ печалїю, держа вЪ рукахЪ своихЪ кипарисныя вѣтьви свои. ОнЪ погребенЪ былЪ

между воздыханія и слезами, и всѣ пастушки вѣтви свои около его гроба усадили, и Богъ Панъ благословилъ ихъ всходъ произраствивъ ихъ въ великую рощу; я и теперь еще имѣю его чашу, которую онъ получивъ за пѣніе подарилъ мнѣ. На ней кругомъ изображенъ былъ кустарникъ, изъ котораго извившаяся змѣя поднимаетъ свою голову, дабы досягнувши до края укусить оной можно было, и въ семъ положеніи представляетъ она ухо. Ахъ! коль драгоцѣненъ даръ сей для воспоминанія лутчаго моего друга! я ее употребляю въ великія только праздники.

Дафнисъ съ Филлидою повѣствованіе сего добродѣтельнаго старца со вниманіемъ слушали. Между тѣмъ приближившаяся ночь принудила Филлиду съ Дафнисомъ разстаться. Старецъ съ нѣжностію лобызалъ ея бѣлое чело; поспѣшай возвѣстить своей матери, сказалъ онъ, что Аминтъ живъ еще, возвѣсти ей, что обнови-

вится юность его, когда дщерь Палемонова соединится съ сыномъ его, когда она наречетъ Аминта своимъ отцомъ. Тогда Филлида дала руку своему пастушку, который проводилъ ея изъ шалаша. Старецъ также вышелъ и слѣдуя за ними очами, не могъ удержаться отъ радости до тѣхъ поръ, до колѣ потерялъ ихъ изъ виду подъ отдаленными деревами. По истиннѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, наполненъ будучи восхищенiй и радости, добродѣтельнаго сына радость дѣлаетъ щасливѣйшему отцу! его щастiе, поставляетъ на верьхъ щастiя и отца своего! какая награда, какая щасливая награда труда истощеннаго, во время насажденiя въ юность сердце добродѣтели, которая въ немъ вкореняется! прiятная жатва! сладкiе плоды!

Сказавши сiе возвратился онъ въ шалашъ свой. А Дафнисъ и Филлида сѣли на ботикъ; Дафнисъ съ великимъ трудомъ рѣку переплывши

 вспо-

вспомоществовалъ своей пастушкѣ вытти на берегъ, и послѣ того привязавъ ботикъ къ ивѣ, идучи пѣли они нѣжную пѣсню, которую эхо повторяло, и которая часто была прерываема ихъ поцѣлуями. Наконецъ пришли они въ долину, гдѣ должно было уже разстаться, Дафнисъ обѣщалъ Филлидѣ, что онъ въ слѣдующій день придетъ въ шалашъ ея матери; и напослѣдокъ они другъ другу съ нѣжностію говорили не однократно прощай; которыя рѣчи пѣніемъ соловья сопровождаемы были.

Дафнисъ возвращался лѣсомъ, и когда хотѣлъ отвязать свой ботикъ тогда услышалъ голосъ, которой ему сказалъ: Дафнисъ поспѣши къ намъ подъ сіи ивы. Онъ туда пришедши нашелъ подъ оными двухъ пастушковъ сидящихъ, ты будь нашимъ судіею, сказали они ему; мы споримъ о превосходствѣ нашего пѣнія. Начинайте, я буду судіею, отвѣчалъ

Даф-

Дафнисъ: и послѣ того сѣлъ противъ ихъ.

Перьвой изъ нихъ пастухъ началъ такимъ образомъ: „музы и ты лѣсовъ „ Богъ Панъ излейте во уста мои „ пѣснь сладчайшую, нежели какъ „ поетъ соловей, Меналькъ о томъ „ васъ проситъ. Онъ хочетъ „ пѣть, Меналькъ, которой всег- „ да получалъ награду за пѣнїе; по- „ истиннѣ когда я пою, то дѣви- „ цы стоя во кругъ меня говорятъ: „ ахъ Меналькъ! какъ ты поѣшь сла- „ достно! но ты любезная Дафна „ для чего не становишься никог- „ да близь меня, что бы сказать: „ Ахъ Меналькъ, какъ ты поѣшь „ сладостно.

Другой пастухъ, называемый Алексисъ, пѣлъ такимъ образомъ „ я знаю „ одну дѣвушку, такъ! которой бы- „ ло только шеснатцать лѣтъ, ея „ станъ тонокъ и строенъ, волосы

„ черныя, бѣлизна ея лица равняет-
„ ся съ бѣлизною снѣга; ея очи бле-
„ щущи, и на устахъ пріятныя иг-
„ раютъ усмѣшки. Гдѣ ты нынѣ?
„ и на какихъ цвѣтахъ скачешь какъ
„ нѣжный агнецъ, съ такою же лег-
„ костію какъ ты плясала нѣкогда
„ здѣсь въ прохладный осеннїй вечеръ!
„ Ахъ съ сего то времени сердце
„ мое начало безпокоиться! увы! гдѣ
„ ты любезная пастушка, пляшешь
„ съ такоюже легкостію, какъ пти-
„ ца съ одной вѣтви на другую пе-
„ перепархиваешь.

Менальнъ: „ Сладостныя птицы,
„ сѣдящїя на вѣтьвяхъ древесъ, дол-
„ жны молчать, когда поетъ черно-
„ глазая Дафна, и зефиры всегда ле-
„ таютъ во кругъ ея ногъ! и пусть
„ ничего не ростетъ кромѣ три-
„ лиственника, пусть трава ея бу-
„ детъ лутчею пищею ея стадамъ.

Алексисъ: „ Всякой вечеръ я гоняю
„ стадо свое чрезъ ручеекъ, дабы
„ оно

„ оно въ немъ омывшись про-
„ хладилось, мои овечки столько же
„ были бѣлы какъ рѣчныя лебеди, а я
„ молодъ и пригожъ любезная пас-
„ тушка не справедливо сїе?

Менальнъ: „ Пусть кроткїе вечер-
„ нїе вѣтры играютъ благопрїятно
„ между ивами и кустарниками,
„ пусть луна восходитъ въ спокойной
„ и величественной красотѣ! а вы
„ лани и овцы скачите на сихъ бе-
„ регахъ! здѣсь ростутъ тополы и
„ плющъ, пусть берегъ сей рѣки ни-
„ когда не осыпается.

Алексисъ: „ Молоденькїй агнецъ ты
„ скачешь всегда около моей красави-
„ цы; она изъ рукъ своихъ тебя всег-
„ да трилиственникомъ насыщаетъ;
„ малинькїй чижикъ какъ я тебѣ за-
„ видую, ты летаешь около рѣшот-
„ ки ея окошка, ты услаждаешь ея
„ пѣснями и твои пѣсни ей прїятны.
„ Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я найду свою

 „ па-

„ пастушку? такъ, въ томъ мѣс-
„ тѣ, гдѣ она мнѣ дастъ первой по-
„ цѣлуй, кленусь тебѣ, о Панъ, что
„ буду изливать чашу вина, что я
„ буду каждой годъ тамъ въ честь
„ тебѣ овна.

Такъ воспѣвали младые пастухи и Дафнисъ сказалъ: Алексисъ! ты одержалъ побѣду, и долженъ получить награду; твоя пѣснь пріятнѣе моему слуху, нежели какъ тихое источниковъ журчаніе. Алексисъ получа лань, которая была опредѣлена наградою пѣнія, ты любезной Дафнисъ, сказалъ онъ, ты возми сію лань, мое стадо довольно обильно; въ благодарность за сіе должно спѣть тебѣ пѣсенку. Дафнисъ исполнясь радости и взявши лань началъ пѣть такимъ образомъ:

„ Луна излей свѣтъ твой на путь,
„ по которому моя пастушка возвра-
„ щается въ свою хижину; для ме-
„ ня

„ня всегда цвѣтетъ тамъ пріят-
„ная весна, гдѣ находится моя лю-
„безная, и тамъ кромѣ радостей
„ничего въ лугахъ не обрѣтается,
„цвѣты благоуханіе тамъ испуска-
„ютъ; но когда она меня объ-
„емлетъ, и когда свои уста при-
„жимаетъ къ моимъ устамъ, тог-
„да то бьется мое сердце, тогда
„не вижу я весны, не чувствую бла-
„гоуханія отъ цвѣтовъ. Такъ! я
„не чувствую ничего кромѣ ея по-
„цѣлуевъ.

Когда Дафнисъ окончалъ такимъ образомъ свое пѣніе, тогда сказалъ, Алексисъ: я охотно бы уступилъ половину моего стада, чтобъ пѣть мнѣ съ такою пріятностію.

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

ДАФНИСЪ
КНИГА ВТОРАЯ.



ДАФНИСЪ

КНИГА ВТОРАЯ

Дафнисъ взявши лань и проводя ее въ судно отвалилъ отъ берега, мыслямижъ безпрестанно слѣдовалъ за Филлидою. Онъ будучи восхищенъ не видѣлъ съ какимъ стремленiемъ рѣка протекала. Онъ уже былъ на половинѣ, какъ нанесло его на камень и разбило его лодку; и яростно возноситъ на хребетъ пѣнящихся волнъ. Лань бросается и спасается въ плавь и какъ молодой агнецъ трепещетъ, когда чувствуетъ себя несома острыми зубами волчицы

цы къ истощеннымъ гладомъ своимъ волчатамъ, которые съ ревомъ выходятъ изъ своего логовища для ея встрѣчи; подобно и Дафнисъ страшится, не имѣя ни малѣйшей къ спасенїю надежды, онъ опасается, что быстрота рѣки предкнетъ его о камень, о которой волны въ ярости ударяютъ съ ревомъ. Но волны всѣ миновавши несли его на своемъ хребтѣ до тѣхъ поръ, доколѣ темнота ночи не скрыла отъ него берегъ. Онъ часто усматривалъ сїянїе лампады въ хижинѣ на берегу стоящей, и въ своемъ беспокойствїи просилъ къ себѣ людей на помощь, но то было тщетно! рѣка несетъ его съ одинакимъ стремленїемъ. Вскорѣ послѣ того усмотрѣлъ сильной свѣтъ, къ которому часъ отъ часу приплывалъ ближе; сей свѣтъ происходилъ отъ лодки но водѣ стоящей. И какъ уже онъ не призывалъ болѣе никого къ себѣ на помощь, тогда сїе судно на передъ его идущее остановило его лодку.

Два

Два рыбака, которые ловили на сей рѣкѣ рыбу и спящую ее огнемъ ослѣпляли, глушили строгою, взявъ Дафниса на свою лодку съ особенною прїязнїю немедлѣнно отвезли его въ близь стоящую хижину, около стѣнъ которой висѣли сѣти испускающїя водные токи. Дафнисъ увидѣлъ въ сей хижинѣ почтеннаго старца одѣтаго въ чужестранное платье; поистиннѣ сказали рыбаки другъ другу: въ сей настоящїй день мы щастливы, Боги даровали уже намъ двухъ странниковъ; двукратно они обрадовали насъ спасенїемъ нещастныхъ. По окончанїи сего разговора когда изъ нихъ одинъ пошелъ прїуготовлять для странниковъ рыбы, которую они ловили сами, между тѣмъ другой готовилъ хлѣбъ, сладкое вино и вкусные плоды. Старецъ просилъ Дафниса и рыбака, своего благотворителя, сѣсть съ собою вмѣстѣ. Дафнису должно было разсказывать, какимъ образомъ рѣка унесла его, въ какомъ

нахо-

находился онъ страхѣ, прося тщетно помощи. Онъ изъяснялъ имъ радость, которую онъ чувствовалъ, увидя лодку съ огнемъ. Въ сихъ толь веселыхъ разговорахъ (ибо когда нещастныя срѣтаются между собою въ одномъ мѣстѣ и находятъ себѣ взаимную помощь, и когда они видятся у людей добродѣтельныхъ, которые благодарятъ боговъ за то, что видятъ у себя нещастныхъ и могутъ подать имъ помощь) не можетъ разговоръ быть не дружелюбной.

Въ сихъ разговорахъ, повторяю я, продолжали они время до тѣхъ поръ, когда другой рыбакъ принесши блюдо рыбы имъ самимъ свареной, поставилъ на столъ. Онъ также сѣлъ съ ними, и оба сїи рыбаки подчивали своихъ странниковъ. Добродѣтельной отецъ, сказалъ однихъ изъ нихъ старцу, твоя одежда драгоцѣнна, и при томъ чужестранная, и языкъ твой не сходствуетъ съ нашимъ,

надобно

надобно думать, что твои нещастія завели тебя издалека. Старецъ не въ состояніи будучи въ скорости ему отвѣтствовать началъ вздыхать; нѣсколько минутъ спустя сказалъ: нѣтъ любезной другъ мой, нещастія завели меня сюды не очень издалека, жилище мое въ городѣ Кротонѣ (*), гдѣ я былъ изъ числа депутатовъ, посланныхъ туда изъ моего отечества. Но увы! начальники сего города, долженствовавшіе любить боговъ, добродѣтель и правосудіе, точно сіи суть, кои утопаютъ въ роскошахъ и забавахъ, кои развращаютъ народные нравы и которые предпочитаютъ правосудію и добродѣтели собственную выгоду и свое порочное житіе. Сей ослѣпленный народъ, потерявъ здравой разумъ, находится въ безуміи, и онъ обого-

(*) Кротовъ городъ не далеко лежащей отъ Іоническаго моря въ небольшомъ разстояніи отъ мыса Ласенъ.

обоготворяетЪ тѣхЪ, кои расточаютЪ тщетно свое богатство; все сїе мнѣ ясно было, я поддерживалЪ добродѣтель и правосудїе, но они меня всѣ возненавидѣли. Разсѣянная ими вЪ народѣ клевета подала имЪ причину гнать добродѣтель, и на конецЪ они меня изгнали изЪ моего отечественнаго града. Праведныя боги! естьли вы судили навести на нихЪ какое нибудь нещастїе; увы! укротите гнѣвЪ вашЪ, и отвратите зло грозящее паденїемЪ стѣнамЪ ихЪ.

По произнесенїи такихЪ словЪ старецЪ изпустилЪ тяжкїе вздохи и послѣ того вдругЪ палЪ онЪ вЪ глубокое молчанїе; прочїе исполнившись нѣжнаго состраданїя также молчали, и внимали сЪ ужасомЪ, что сыскалось мѣсто вЪ свѣтѣ, гдѣ милость и добродѣтель находились вЪ опасности, по тому что добродѣтельные не могутЪ слышать безЪ огорченїя о мїрскихЪ беззаконїяхЪ. Рыбаки

баки начали утѣшать старца и старались облегчить болѣзнь его повѣствованїемъ своихъ исторїй до тѣхъ поръ, когда уже сонъ клонилъ ихъ къ принятїю отъ трудовъ покоя.

Дафнисъ всю ночь проводилъ въ беспокойствїи, онъ думая о отцѣ чувствовалъ болѣзнь, онъ представлялъ себѣ страхъ, въ какомъ будетъ находиться его Филлида, когда не будетъ ему можно на завтра къ полудни быть съ нею вмѣстѣ. Лишь только займется заря, сказалъ онъ, то уже буду я за рѣкою.

Лишь только первые лучи солнца разсыпались по поверьхности обросшихъ мохомъ кровомъ, тогда они разлучились. Старецъ взявши свой посохъ обнялъ обоихъ рыбаковъ, произнося имъ со слезами сїи слова: боги да сохранятъ ваше добродушїе; обнялъ ихъ также и Дафнисъ, пошелъ въ верьхъ по рѣкѣ со стар-

цомЪ. Не смотря на то, что велЪ онЪ его тихимЪ шагомЪ, старецЪ усталЪ и ДафнисЪ просилЪ его, чтобЪ онЪ рукою своею на его плечо оперся, и когда уже насталЪ полдень, онЪ искалЪ тѣнистаго мѣста, гдѣ бы старецЪ могЪ отдохнуть. Для сей причины повелЪ его подЪ густое ильмовое дерево, и подЪ онымЪ оставивши его самЪ пошелЪ искать плодовЪ для его подкрѣпленія, и мало успокоившись они продолжали путь до захожденія солнечнаго. ОнЪ ему издалека показывалЪ свою хижину, вЪ которой АминтЪ, отягченный страхомЪ и печаліою, сидѣлЪ одинЪ при слабомЪ сіяніи возженнаго свѣтильника.

Сей нѣжный отецЪ восхищенЪ будучи радостію увидя ихЪ спѣшилЪ встать; а когда ДафнисЪ со старцомЪ вошли вЪ хижину, онЪ бросився на шею своего сына сказалЪ; щастливЪ да будетЪ приходЪ твой сыне мой! ахЪ! сколь печальна для меня

была

была ночь сїя! о коль благополучный день! по томъ привѣтствуетъ онъ съ ласкою старца и жметъ его руку въ то время, когда Дафнисъ началъ расказывать, какимъ образомъ унесла его рѣка, какъ спасли его рыбаки, и послѣ того изъяснилъ ему исторїю старца, не забывъ при томъ и о той трудности, какую они претерпѣли проходя путь лежащїй по берегу. Отецъ слушалъ съ радостїю, что нашелъ онъ въ сынѣ своемъ такїе опыты сострaданїя и добродѣтели.

Любезный другъ, сказалъ Аминтъ старцу, сколь мнѣ прїятно, что боги сохраняли меня къ твоему прохлажденїю и вспомоществованїю, и что моя хижина служитъ тебѣ покровомъ. Окончавъ сїи слова повелъ его къ стулу, обитому мягкою кожею; и когда старецъ поставилъ свой посохъ, тогда онъ просилъ его сѣсть, и самъ сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

 Какого

Какого мнѣ осталось ожидать еще щастія, сказалъ старецъ наполненъ будучи удивленія и радости, какого болѣе ожидать еще щастія какъ только пребывать между добродѣтельными! благотворительный другъ, я у васъ нахожу сію любезную добродѣтель, которую искалъ я тщетно въ моемъ отечествѣ. Любезной другъ, отвѣчалъ ему Дафнисовъ отецъ, сіе не велика еще есть добродѣтель помогать тѣмъ, которыя находятся въ нуждѣ; надобно тому быть чудовищемъ природы, кто не хочетъ сего сдѣлать! Для чего боги покровительствуютъ мою хижину? для чего дѣлаютъ они плодоносными мои древа? для того ли что я живу одинъ въ моемъ уединеніи въ свое удовольствіе, хотя бы довольное количество было мѣста и тѣни для многихъ? для того ли, что я насыщаюсь одинъ изобиліемъ плодовъ, которые отягчая вѣтьви моихъ деревъ преклоняютъ на землю? Таковъ

былъ

былъ разговоръ сихъ старцовъ въ то время, когда Дафнисъ накрывалъ столъ и постановлялъ на него молоко, хлѣбъ и плоды.

Они пошли безумедлѣнія наслаждаться пріятностьми, или лутче сказать пошли вкушать пищу самой природою изготовленную; и какъ только ужина ихъ кончилась, спѣшили члены свои успокоить желаннымъ сномъ Но спящему Дафнису не иное что мечталось, какъ только Филлида до тѣхъ поръ, когда возбудили его утренні́я пѣсни, которыя пастухами гнавшими стада свои въ луга на флейтахъ играны были; ему трудно было рѣшиться играть ли на своей флейтѣ или нѣтъ, онъ проводивши свое стадо на паству отъ протчихъ пастуховъ отдалился по берегу источника текущаго подъ вѣтьвями ивъ, которые его тѣнїю своею покрывали. Онъ тамо сѣлъ и около его послался стадо, иногда игралъ онъ какую

нибудь нѣжную пѣсню, и послѣ того воздыхалъ и въ своей нетерпѣливости взиралъ онъ на солнце; иногда забавлялся съ овечками, которыя къ нему приближались, онъ ихъ ласкалъ, или призывая къ себѣ насыщалъ ихъ изъ своихъ рукъ травою, послѣ того принимался играть на флейтѣ и воздыхая взиралъ на солнце, будучи наполненъ нетерпѣливости отъ того, что не было оно еще въ половинѣ своего теченія.

Между тѣмъ и Аристъ (такъ назывался Кротонской старецъ) также вышелъ изъ хижины, для обозрѣнія около лежащихъ предмѣтовъ; онъ взошелъ на ближній холмъ, откуда онъ видѣлъ при восхожденіи солнца пространное поле и холмы покрытые кустарникомъ и горы отдаленныя, лазуремъ своимъ его увеселяющія, пространныя и между собою соединенныя долины, и луга усыпанные цвѣтами и древами отягченные плодовъ.

довъ. Видѣлъ онъ разсѣянныя рощи, гдѣ зрѣлися высокія и прямыя сосны, дубы, и гибкія ели. Онъ слышалъ въ дали шумящую рѣку, которая текла съ величественнымъ журчаніемъ, въ срединѣ поля между холмами, лѣсами и камнями, текущіе вблизи источники дѣлали по травѣ пріятной шумъ или сладостное журчаніе своимъ легкимъ паденіемъ. Безчисленныя стада птицъ летая съ веселіемъ на вѣтьвяхъ деревъ сроженныхъ, или въ ясную погоду, воспѣвали пѣсни всякаго рода, къ которымъ были присоединяемы флейты пастушковъ или пѣсни пастушекъ, которыя пасли стада свои вмѣстѣ по ближнимъ и отдаленнымъ холмамъ или по долинамъ. Сего добродѣтельнаго старца очи, будучи объяты удивленіемъ, заблуждали по разнымъ предмѣтамъ, иногда удалялъ онъ свое зрѣніе до тѣхъ мѣстъ, до коихъ оно едва могло достигнуть, а иногда останавлялъ его на травахъ

 и цвѣ-

и цвѣтахъ, которые испуская благовонїе, казались смѣющимися подъ его ногами; отъ толь сильнаго восхищенїя не могъ онъ собраться съ своими мыслями.

Какое благополучїе, возопилъ онъ вдругъ, какой источникъ удовольствїй? увы! едва сердце мое волнующееся можетъ оныя постигнуть! Ахъ! природа! природа! коль ты прекрасна! ты прекрасна въ своей красотѣ невинной, гдѣ искуство не довольныхъ людей не премѣняетъ ничего изъ твоей собственной красоты! сколь щастливъ пастухъ; сколь щастливъ мудрецъ, которой удаленъ будучи отъ развратнаго свѣта, вкушаетъ сїи утѣхи посреди столь восхитительнаго согласїя! Ахъ коль онъ блаженъ! онъ снискиваетъ премудрость и непримѣтно производитъ больше великихъ дѣйствїй, нежели побѣдитель и знаменитый князь надменнымъ своимъ величествомъ. Я о тебѣ радуюсь спокойная долина! я

о те-

о тебѣ радуюсь плодоносный холмъ! и вы источники играющïе въ лугахъ; вы луга, и вы лѣса, торжественный храмъ прïятныхъ восторговъ; я о васъ радуюсь! какïя смѣющïяся прïятности вы представляете зрѣнïю моему? Я вездѣ встрѣчаю прïятную радость и невинность, которыя обитая на всѣхъ холмахъ, и на всѣхъ долинахъ меня восхищаютъ. Спокойствïе съ удовольствïемъ суть покойные жители хижинъ разсѣянныхъ или по холмамъ или по брегамъ источниковъ извивающихся подъ прохладною тѣнïю древесъ отягченныхъ плодами, малыя хижины симъ вы спокойны! сколь вы мало имѣете недостатка, и вы пастушки, сколь вы близки къ щастïю! что касается до васъ безумные смертные, которые оставили простоту природы для снисканïя щастïя страннымъ образомъ! вы которые описываете невѣжество нравовъ веселящейся невинности, вы которыя называете

недо-

малой недостатокЪ, достойнаго презрѣнія нищетою, которой наполняешЪ природа отверзая смертнымЪ источники сокровищЪ! Безумные, повторяю я, вы зиждете щастіе на такомЪ основаніи, которое и отЪ легчайшаго вѣтра опровергается! вы достигаете щастія чрезЪ различныя лабиринты, непрестанно будучи обременены попеченіями, и непрестанно не довольны, вы проходите сіи лабиринты, будучи увѣрены, что уже самаго верьха щастія достигнули, вы колеблетесь льстецовЪ своихЪ вЪ объятіяхЪ, вы мечтаете во снѣ. ВамЪ, вамЪ воспрянуть должно; вЪ сновидѣніяхЪ лицемЪ смущающіяся Гарпіи подЪ видомЪ божескаго блистанія васЪ ослѣпляютЪ. Но вы не видите черною кожею облеченныхЪ ея крыльевЪ, которыми она васЪ теперь пронзаетЪ сЪ ужасомЪ: вы не видите страшнаго ея хребта. Вы обладатели земные! вы, которые надмѣннымЪ окомЪ пробѣгаете всѣ окрестЪ

решъ васъ лежащїе высокїе верьхи вашихъ зданїй; вы которые съ надмѣнностїю мните такимъ образомъ: все сїе для меня, бѣдные ползающїе муравьи для меня яко обладателя, предъ которымъ они содрагаются. Для кого сїи сладкїя забавы, почерпаемыя въ странахъ сихъ любезныхъ, въ сихъ поляхъ обремененныхъ плодами и во всей прекраснѣйшей природѣ? для кого проистекаютъ утѣхъ оныхъ источники? кто болѣе наслаждается прохлажденїемъ древесной тѣни? кто болѣе претерпѣваетъ жестокость солнечнаго жара? Вы ли? обладатели земные! или бѣдной пастухъ покоящейся на травѣ въ срединѣ своего стада? Кто? тотъ кто покоится, по истиннѣ тотъ, кто дышетъ удовольствїемъ, щастливо и безбѣдно проводитъ свое состоянїе. Онъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка, и хотя бы сдѣлался обладателемъ всея страны. Больше ли тому сїе принесетъ удовольствїя? тому

тому, кто уже доволенъ. Прекрасная природа для его есть неоскудѣваемымъ источникомъ чистѣйшихъ удовольствїй; гордость желанїе владычествовать, тщеславїе не дѣлаютъ его довольнымъ въ своей участи; сей спокойной духъ и сїе не лестное сердце разрываютъ непрестанно предъ нимъ утѣхи, подобно какъ и ты восходящее солнце озаряешь страны орошенныя твоимъ свѣтомъ. О боги! не раздражайтесь тѣмъ, что я почиталъ себя нещастнымъ, и что я проливалъ слезы разлучаясь съ Кротономъ, не раздражайтесь тѣмъ, что я обращался къ нему для оплаканїя стѣнъ отеческаго моего города; сїе почитаю я темною и не проходною стезею, которою вы меня привели къ симъ мѣстамъ благополучнымъ! Тихїе источники! ваша брега избралъ я себѣ въ жилище! о древа примите меня подъ ваши прохладныя тѣни, и вы хижины не затворяйте входа вашего чужестранцу, провождать

имѣю-

имѣющему здѣсь со сладостїю остатокъ дней своихъ между вашими обитателями, которымъ больше должно завидовать, нежели державнымъ государямъ. Источники веселїя не преставайте продолжать теченїя вашего! я вамъ приношу сердце веселящееся, по истиннѣ я вамъ приношу духъ чистѣйшїй и безъ оскверненїя, сердце свѣтлое подобное безоблачнымъ небесамъ, и столько же спокойное, какъ гладкїя воды, на которыхъ малыя волны нѣкоторые бразды съ трудомъ производятъ. По истиннѣ сладкїя воды и вы любезные холмы! при васъ исполненъ будучи сладкаго восторга и къ богамъ благодарности, я проведу жизнь мою въ размышленїяхъ въ спокойномъ и щастливомъ состоянїи, не содрагаясь беззаконїй, въ которыя бы могъ я учинить. Мои дни протекутъ какъ спокойной источникъ; они увянутъ какъ увядаетъ роза, она засыхая испускаетъ послѣднее благовонїе, нѣжной

ной зефиръ прилетая около ея играетъ, засохшїе листочки падаютъ и роза бытїе свое теряетъ.

Такимъ образомъ говорилъ добродушной сей старецъ въ щастливомъ восхищенїи; послѣ того онъ смотрѣлъ вторично сїю страну прекрасную, проливая слезы отъ радости, и на конецъ нисходитъ съ холма тихимъ шагомъ для возвращенїя въ хижину.

Дафнисъ и его отецъ приняли его во объятїя, полевой обѣдъ былъ въ готовности, добродѣтельныя старцы взявши одинъ другаго за руку сѣли за столъ. Также сѣлъ съ ними и Дафнисъ; но онъ насыщался съ поспѣшностїю и оставилъ добродѣтельныхъ старцовъ во время дружескаго ихъ разговора. Оставилъ же для того, чтобъ переправиться чрезъ рѣку и скорѣе увидѣться съ своею Филлидою. Добродѣтельная Филлида! сказалъ онъ: въ

какомъ не была она вчера безпокойствїи? Она плакала. Добродѣтельная Филлида! будучи въ такихъ размышленїяхъ; онъ приходитъ къ источнику, но тамъ не находитъ своей Филлиды; онъ осматривался на всѣ стороны, и какимъ не былъ онъ пораженъ ужасомъ? имена вырѣзанныя на корѣ деревъ были изглажены. Великїя Боги! вскричалъ онъ со трепетомъ, будетъ ли сїе предзнаменованїемъ какого ниесть нещастїя? Увы! ежели моей Филлидѣ не угрожаетъ какое нибудь нещастїе! ежели моя Филлида... Но увы! гдѣ она? ахъ какъ я опасаюсь! я содрагаюсь! Ахъ естьли наша любовь не угрожается какимъ нибудь нещастїемъ! Между тѣмъ, когда онъ такимъ образомъ говорилъ и когда стоялъ въ трепетѣ, выходитъ изъ лѣсу Ламонъ; что тебѣ здѣсь надобно Дафнисъ? сказалъ онъ, чего ты ищешь? безъ сомнѣнїя Филлиды? Твое ожиданїе тщетно, Филлида тебя болѣе не любитъ;

битъ; ты блѣднѣешь! невѣрная! Нѣтъ она тебя не любитъ болѣе; на конецъ я надъ нею одержалъ побѣду; я ей подарилъ все стадо мое; я ей всѣ мои пастьвы отдалъ, и она, она меня любитъ, такъ по истиннѣ, сїя нѣжная дѣвица меня любитъ! видишь ли кору, на которой были вырѣзаны имена, разбросанную подъ деревами? Филлида со мною будучи здѣсь сего утра при восхожденїи солнца оную срѣзала; прости Дафнисъ, сказана она срѣзывая имена, я хочу истребить тебя со всемъ изъ моихъ мыслей. Дафнисъ едва выслушалъ половину сего разговора, то уже и былъ пораженъ; онъ стоялъ на ногахъ какъ лишившїйся чувствъ. Хладной потъ оросилъ всѣ его члены, и онъ упалъ, естьли бы Ламонъ поддерживая не проводилъ его ко брегу; должно, чтобъ я тебя удалилъ отъ сихъ страшныхъ мѣстъ. Дафнисъ, сказалъ онъ ему, войди въ твою лодку, нещастной пастухъ! можетъ

жетЪ быть Боги тебя сохранили для другаго какого нибудь щастія. Я поистиннѣ о тебѣ весьма сожалѣю, нещастной пастухЪ! до какой ты дошелЪ крайности! Слова сіи сказавши онЪ отЪ него возвратился.

Что касается до Дафниса, онЪ долгое время стоялЪ вЪ изумленіи подобно человѣку возбужденному страшнымЪ сновидѣніемЪ, которому волнованіе препятствуетЪ видѣть, что сіе ничто иное есть какЪ сонЪ. Сердце его трепетало, и онЪ былЪ вЪ ужасѣ, онЪ изЪ трепещущаго своего сердца извлекалЪ вздохи чрезЪ силу; источники слезЪ текли изЪ его очей заблуждающихЪ, и на конецЪ не вЪ силахЪ будучи противиться своей болѣзни, пораженЪ простерся на землю. Она не вѣрна! о Боги! и я буду навѣкЪ нещастливЪ! она, которая проливала слезы вЪ моихЪ объятіяхЪ, когда ее мать представляла ей о любви Ламоновой; она не вѣрна: безчеловѣчная!

вѣчная! Увы! для чего я не испустилъ дыханіе въ перьвые часы въ ея объятіяхъ! Нещастной день, гдѣ я тебя увидѣлъ въ первой разъ! Ахъ я тебя увидѣлъ не для чего инаго, какъ только чтобъ вѣчно сдѣлаться нещастнымъ! Но.... нѣтъ, нѣтъ, для чего мнѣ быть вѣчно нещастливу? нѣтъ любовь, которую ты награждаешь столь безчеловѣчно, истребится изъ моего сердца и заступитъ мѣсто ея презрѣніе. Я буду имѣть омерзѣніе къ дѣвицѣ, которая предпочитаетъ великое стадо нѣжнѣйшей любви, вотъ какимъ образомъ говорилъ онъ въ своемъ гнѣвѣ; онъ вображалъ, что ему не трудно будетъ надъ любовью одержать побѣду, но нѣжныя мученія и болѣзни немедлѣнно привлекли его къ своимъ чувствованіямъ увы! сколько я былъ щастливъ! поистиннѣ я былъ бы щастливѣйшей изъ смертныхъ, естьли бы мнѣ не измѣняло теперь; я нещастенъ, и мое щастіе таково, что

ни

ни съ чьимъ сравниться не можетъ. Все будетъ со мною печалиться, я не найду болѣе удовольствія въ журчаніи источниковъ, пѣніе веселыхъ птицъ будетъ умножать мои горести, солнечный жаръ и прохладныя тѣни, все сіе для меня будетъ не чувствительно, мои овцы будутъ заблуждать безъ пастыря; ибо не будетъ онъ имѣть попеченія и самъ о своей жизни. Я возвращаюсь къ источнику, гдѣ тебя съ величайшимъ жаромъ заключивши въ моихъ объятіяхъ лобызалъ; и гдѣ ты меня обнимала съ равною горячностію безчеловѣчная Филлида! Увы! я иду проливать въ сіи нещастныя мѣста послѣднія слезы, произнося сіи жалобы. Дафнисъ возвратился оттуда къ источнику, здѣсь встрѣчалъ онъ тогда, здѣсь провождалъ я толь щастливые часы въ твоихъ объятіяхъ! на берегахъ сего источника, при которомъ ты покоилась безчеловѣчная! когда я тебя встрѣ-

 тилъ

тилъ въ первой разъ! и вотъ....
какой ужасъ, вотъ на земли кора, на
которой вырѣзано было твое имя,
ты, твоя рука изгладила оное.
Но... увы! естьли бы Ламонъ меня
обманулъ? о восхитительныя мысли,
ахъ! я опасаюсь, я страшусь тщет-
наго упованія! я не достоинъ былъ
тебя Филлида, Ламонъ не любезнѣе
ли меня? я не былъ достоинъ лю-
бви твоей? ахъ! Ламонъ, прости
меня, естьли тщетная для тебя
надежда и справедливо принуждала
быть тебя обманщикомъ! Когда
онъ былъ въ сихъ размышленіяхъ,
тогда услышалъ въ лѣсу небольшой
шумъ; онъ озирается и видитъ Фил-
лиду. Онъ содрагается, она блѣднѣ-
етъ, и смотритъ на него съ сви-
рѣпостію, что ты здѣсь Дафнисъ?
сказала она ему, я бы сюда не при-
шла, естьли бы я тебя здѣсь сы-
скать чаяла; я немедлѣнно возвращаюсь
отсюда, я могу въ другое время
сыскать здѣсь потерянную мною лѣн-
ту.

ту. Ты негодуешь жестокая на сіе, что ты меня еще однажды видишь? сказалъ ей Дафнисъ: тогда Филлида показывая, что она ищетъ своей лѣнты, ходила туда и сюда наклонившись. Дафнисъ также началъ искать съ нею, сія лѣнта подарена была тобою, сказала ему Филлида; естьли ты ее найдешь, храни ее у себя и подари новой своей пастушкѣ; мои лѣнты для тебя очень малова стоятъ, Ламонъ подаритъ тебѣ лутчія, сказалъ ей Дафнисъ, можетъ быть сія лѣнта, которую ты ищешь, скрыта подъ корою, которую ты срѣзала. Вотъ какимъ образомъ они разговаривали между собою, когда искали лѣнту. Но Дафнисъ скоро дошелъ до крайности, чрезмѣрная болѣзнь сдѣлала его безгласнымъ. И во все сіе время они оба пребывали въ молчаніи. Онъ нечувствительно приблизившись къ Филлидѣ услышалъ ея вздохи и посмотрѣвъ на ее лице увидѣлъ ее плачущую. Ты плачешь

 невѣр-

невѣрная, сказалъ онъ ей: ты плачешь; Филлида посмотрѣвъ на него слезнымъ окомъ, примѣтила, что и онъ также проливаетъ слезы: ты плачешь невѣрной! сказала она ему рыдая: ты плачешь такъ, я плачу видя дѣвицу, которую ты сдѣлалъ нещастною, на вѣкъ нещастною! послѣ сихъ краткихъ словъ Филлида открыла свое прекрасное лице, отирая на немъ своими руками текущія слезы и ея рыданіи произвели біеніе въ ея сердцѣ. Дафнисъ тогда бросился къ ее ногамъ, беретъ ея руку, цѣлуетъ съ горячностію и орошаетъ ея своими слезами. Ахъ! Филлида, сказалъ онъ ей рыдая: дорогая измѣнница! ты проливаешь слезы. Увы! оплачь мое нещастіе безчеловѣчной! сказала ему Филлида съ болѣзнію, ты меня упрекаешь невѣрностію, меня, которая тебя любитъ больше всего на свѣтѣ, ты меня дѣлаешь нещастной вѣроломной полюбя другую! По сихъ словахъ Дафнисъ

нieѣ вставши, я! возопилъ онъ: я невѣренъ! о боги, накажите меня, естьли я не вѣренъ! и Филлида... Ахъ! не признаешься ли ты въ своей невѣрности? не любишь ли ты Ламона?... Не скрывай отъ меня сего Филлида, не изгладила ли ты на деревахъ именъ вырѣзанныхъ? Ламонъ сего дня встрѣтившись со мною близь источника, говорилъ мнѣ: чего ты ищешь, никакъ Филлиды! нещастной пастухъ, до какой ты дошелъ крайности, она тебя болѣе уже не любитъ; это я, котораго она полюбила, она сама сего дня изгладила на древахъ вырѣзанныя имена твои, дабы истребить тебя совсѣмъ изъ мыслей.

Филлида стоя слушала слова сiи; она поражена была удивленiемъ, но вскорѣ послѣ того она бросилась на шею къ Дафнису: мы обмануты, возопила она, безчеловѣчной Ламонъ! мы обмануты! вчера дорогой мой Дафнисъ, вчера я здѣсь проливала слезы,

я тебя ожидала тщетно, и осматриваясь на всѣ стороны увидѣла коры деревъ срѣзанныя, увы! въ какомъ я находилась страхѣ! я была полумертва, когда Ламонъ вышелъ изъ лѣсочку, нещастная Филлида, сказалъ мнѣ льстецъ сей, ты ищешь Дафниса, и ты страшишься видя коры срѣзанныя, ты еще (но можно ли, чтобъ я тебя увѣдомила о сей страшной вѣсти?) не знаешь ты еще, что Дафнисъ тебѣ невѣренъ! ахъ! такъ Дафнисъ невѣренъ! онъ приходилъ сюда съ другою пастушкою, и срѣзавши имена раздробилъ на части, я тебя забываю Филлида сказалъ онъ: я забываю тебя навсегда; послѣ того обнялъ онъ свою пастушку и оттуда возвратился съ нею. По сихъ словахъ пала я на землю и поднимая меня льстецъ сей, нещастная Филлида, сказалъ онъ мнѣ: я провожу тебя теперь въ свою хижину, не оскорбляйся, измѣнникъ не заслуживаетъ слезъ твоихъ. Ахъ!

Фил-

Филлида, естьли бы ты меня любила, ты была бы щасшлива и благополучна; мое великое стадо, мои луга были бы все твоими, говоря мне сіе такимЪ образомЪ проводилЪ онЪ меня вЪ мою хижину. ТамЪ дорогой ДафнисЪ я всю ночь вЪ слезахЪ проводила, до какихЪ сего дни не доходила я крайностей? пойду сказала я сама себе такЪ, вЪ сей вечерЪ на берегЪ источника, где я столь часто бывала вЪ обьятіяхЪ невернаго, пойду на оной оплакивать мое нещастіе; но по приходе моемЪ сюда я тебя сыскала, хотя я тебя увидевши и узтрашилась, но я была какЪ восхищенная, отЪ радости я притворно искавши ленты хотела показать мое негодованіе. АхЪ! нетЪ, мне сіе не стоило? я начала проливать слезы, проливалЪ и ты также оныя дорогой мой ДафнисЪ. АхЪ! какое щастіе, когда мы опять соединились.

Безчеловечной льстецЪ! сказалЪ ДафнисЪ, сколь мы щастливы, что

не

не долго отЪ насЪ скрывалось его лукавство ! любезная Филлида! дорогой ДафнисЪ! сказали они другЪ другу сЪ нѣжнѣйшими объятіями и прижимая себя одинЪ кЪ другому. АхЪ! сказалЪ ДафнисЪ, простишь ли ты меня, что я почиталЪ тебя невѣрною, ахЪ! ДафнисЪ, а ты не хочешь, чтобЪ я тебя почитала невѣрнымЪ; когда на тебя негодовала? они другЪ другу отвѣтствовали только слезами и тысячью поцѣлуевЪ. ОнЪ сЪ горячностію лобызалЪ бѣлое ее чело, ланиты, уста и очи омоченныя слезами, и она, она своими объятіями сдѣлала ему вѣнокЪ изЪ поцѣлуевЪ разсѣянныхЪ по его прекрасному лицу.

Послѣ сего спрашивала ево Филлида, для чего онЪ вЪ прошедшій день не пришелЪ кЪ источнику? ДафнисЪ ей изъяснялЪ, какимЪ образомЪ похитила его рѣка: сіе новымЪ было ужасомЪ для Филлиды! послѣ того раскazывалЪ онЪ ей благотво-

потворительныхЪ рыбаковЪ. Филлида благодарила боговЪ и просила ниспослать на рыбаковЪ благословенїе, по томЪ разговаривалЪ сЪ ней о добродѣтельномЪ старцѣ, которыя толикїя нечестїя изгнали изЪ отечественнаго города и лишили удовольствїй, и какимЪ образомЪ переправлялся сЪ нимЪ черезЪ рѣку. Филлида наполнившись состраданїя вЪ угодность старца и восхитившись, что она владѣетЪ сердцемЪ столь жалостливаго Дафниса, обняла его сЪ восторгомЪ, и сЪ сея минуты начала любить его гораздо болѣе прежняго, сколько было вЪ ея возможности. По томЪ изЪясняла ему Филлида, какимЪ образомЪ она сказывала своей матери, что она была у Дафнисова отца; что сїя добродѣтельная мать проливала слезы, когда она услышала о Аминтѣ его родителѣ, и что она позволила Дафниса привести вЪ свою хижину.

Поспѣшимъ, дорогой Дафнисъ, сказала она ему, взявши за руку, пойдемъ въ сію минуту со мною. Любезная Филлида! отвѣтствовалъ онъ ей, я изъ всѣхъ людей въ свѣтѣ щастливѣйшій! ахъ! я ни мало о любви твоей не сумнѣваюсь! я не заслуживаю любви твоей! нѣтъ, я не... Но Филлида препятствовала продолжать ему сіе поцѣлуями во уста для отвращенія всѣхъ сихъ упрековъ.

Между тѣмъ нечувствительно миновали они лѣсокъ, коимъ должно было имъ итти къ Филлидиной хижинѣ, и едва они вошли подъ зеленую Аллею, то Филлида возопила, дражайшая родительница! вотъ мой Дафнисъ! сказавши сіе съ поспѣшностію входитъ въ хижину; Дафнисъ за нею слѣдуетъ и добросердечная мать встрѣчала ихъ отъ радости въ восхищеніи: щастливъ да будетъ приходъ твой, сынъ добротельнѣйшаго и искреннѣйшаго изъ друзей нашихъ, сказала

зала она ему, какое щастїе, что ты нашелъ дочь мою; боги определили, чтобъ вы взаимно другъ друга любили, боги васъ да благословятъ? Потомъ просила она его съ собою сесть, и Филлида принести винныхъ ягодъ, гранатныхъ яблоковъ и винограду села также возле Дафниса. Филлида взявши большую изъ виноградныхъ кистей, первую ягоду вложила во уста Дафнису, другую съевши сама, продолжали они такимъ образомъ до последней ягоды. Мать взирала на нихъ съ улыбкою, и между темъ, когда они симъ были заняты, она решилась соединить ихъ вместе чрезъ три дни вечнымъ союза бракомъ; а какъ уже наступало осеннее время и древесныя листы уже пожелтели и покраснели, а зрелой виноградъ вызывалъ земледельцовъ къ собиранїю онаго. Дафнисъ обнимая свою Филлиду, сказалъ ей: въ какомъ я буду восхищенїи увидя въ третей день восходящую Аврору.

Нако-

Наконецъ машь прервавши молчаніе сказала имъ сжавши обоимъ руки: любезнѣйшія дѣши! ушѣшеніе и радость моей сшаросши, какое щасшіе для малаго осшашка дней моихъ! какимъ сіе не будешъ для меня благополучіемъ видѣшь васъ щасшливыми! и какое большее быть можешъ щасшіе, какъ видѣшь соединяющихся добродѣшельныхъ! они со дня на день другъ другу сшановяшся любезнѣе, и сія любовь никогда не умираешъ! ахъ! любезнѣйшія мои дѣши, я не могу удержашь изъ очей моимъ ліющихся слезъ (шогда словъ у нее недосшало); ахъ! продолжала она по шомъ, я сіе знаю, поисшиннѣ я чувсшвую все сіе благополучіе; самая бѣдносшь не уменьшаешъ любви въ объяшіяхъ добродѣшельнаго любовника. Ахъ! Палемонъ, Палемонъ! боги призирали на васъ своими очами мои дѣши, вы другъ друга полюбили къ сшашѣ! любезное дишя, можешъ быть въ угодносшь мою, шы бы

скло-

склонилась на представленіе Ламона; но ты бы была нещастлива, не взирая на то, что его луга простираются отъ рѣчнаго брега до подошвы горы, которая въ довольномъ находится отдаленіи; поистиннѣ ты бы могла можетъ быть съ нимъ быть нещастлива, хотя у него овецъ и всякаго скота бесчисленное множество. Я вамъ разскажу о нѣкоторомъ произшествіи: Палемонъ нѣкогда вспомоществовалъ Тимену обработываніемъ его малаго винограда которой былъ на его холмѣ: они копали землю, нѣсколько въ переди около нѣкоего гроба, бывшаго на томъ холмѣ, сыскали сокровище. Вотъ, возопилъ Тиметъ, я никогда не надѣялся толь великаго сокровища! возми изъ онаго половину: какой не претерпѣвали мы бѣдности? сколь мы бѣдные люди! мы трудимся съ утра до вечера, сіе справедливо; но что мы отъ того получаемъ? насущной хлѣбъ и утружденіе членовъ.

Я тебѣ его уступаю, сказывалъ Палемонъ, пользуйся имъ въ цѣлости; благословенна нищета! естьли она такова, какую мы провождаемъ: благословенъ трудъ! онъ укрѣпляетъ мои члены, полуденное солнце меня не ожигаетъ. Но Палемонъ отвѣтствовалъ: Тиметъ, не радуешься ли ты о найденномъ мною сокровищѣ? Нѣтъ Тиметъ, я не чувствую отъ сего ни малѣйшей радости, отвѣчалъ Палемонъ: естьли бы я его сыскалъ одинъ, то бы давно его закопалъ въ землю; да для чего мнѣ и находить? или для того, чтобъ я основалъ мое жилище посреди луговъ, дабы въ немъ жить подъ тѣнїю нерадѣнїя? для того ли, чтобъ взирать на своего ближняго обрабатывающаго свое поле, или воздѣлывающаго виноградъ свой въ потѣ и пыли лица своего? для того ли, что бы я былъ въ праздности, когда пастухъ тщательно бодрствуетъ надъ своимъ стадомъ? для того ли, чтобъ я болѣе другихъ

насы-

насыщался, или что бы большей имѣть позывъ на пищу? Не бесстыдно ли бы тебѣ показалось предложенїе, какое ты мнѣ дѣлаешь Тиметъ? погребемъ сїе сокровище: я и самъ почти тѣхъ же мыслей, отвѣтствовалъ Тиметъ: сколь я радуюсь, продолжалъ Палемонъ, когда послѣ спокойнаго сна пробуждаюсь съ новыми силами! утреннїя птицы вызываютъ меня къ трудамъ своимъ пѣнїемъ. Восходящее солнце первые свои лучи на меня разсыпаетъ, я съ радостїю исхожу на труды дневныя, я на полѣ пою или берегу малое мое стадо, я обрабатываю малую свою землю или вспомоществую въ воздѣлыванїи оной своему ближнему. Когда трудомъ услаждается умѣренной мой обѣдъ и сохраняется мое здоровье, тогда симъ много я веселюся; когда утружденъ будучи вечеромъ вхожу въ мою хижину, тогда моя жена простираетъ объятїя для моего прїему, для утоленїя моей жажды приноситъ чашу

воды студеныя, или сладкаго вина; по утоленіи оной она меня насыщаетъ хлѣбомъ, сыромъ и плодами; о коль я тогда веселюся! хотя бы цѣлая земля отъ горы Клибана даже до странъ песчаныхъ, лежащихъ близь Іоническаго моря, была въ моемъ владѣніи, я бы не могъ столько веселиться. Закопаемъ сіе сокровище! сказалъ Тиметъ, и они закопали его въ самомъ дѣлѣ. Послѣ сего повѣствованія добродушная мать еще прибавила, что добродѣтельныя всегда были богаты: она съ ними веселилась до тѣхъ поръ, когда они примѣтили, что день преклоняется къ вечеру.

Сіе самое Дафниса тогда принудило съ ними разстаться: поди, сказала мать обнимая его, поди возвѣстить своему родителю, что я мать щастливѣйшая въ свѣтѣ. Филлида выходитъ съ нимъ изъ хижины и провождаетъ до берега, Дафнисъ

ска-

сказала она ему съ нѣжнымъ объятіемъ, по прошествіи трехъ дней соединимся мы бракомъ, и сколь мы будемъ тогда щастливы! какое щастіе тогда можетъ подобно быть нашему? Дафнисъ! какіе щастливые дни мы тогда провождать будемъ! Ахъ! Филлида! сказалъ онъ ей обнимая съ большею нѣжностію, вся наша жизнь подобна будетъ веснѣ безперерывной; по истиннѣ, сказала она ему, она протечетъ какъ сей источникъ сквозь цвѣты протекаетъ. справедливо сіе дорогой мой, какъ на берегахъ часто бываютъ нѣкоторыя терны, равнымъ образомъ будутъ дни мрачные, которые прервутъ сію весну: но когда мы будемъ столько добродѣтельны, тогда въ твоихъ драгихъ объятіяхъ и самыя терны произрастятъ для меня розы, и тѣже мрачные дни будутъ въ моихъ очахъ, какъ солнечное сіяніе. Такъ моя любезная, сказалъ ей Дафнисъ: мой родитель часто напоминалъ мнѣ, что

 не

не должно терять терпѣнія и въ самомъ нещастіи. Я такъ же былъ нещастливъ, повторялъ онъ мнѣ; но едва лишь начиналъ я быть великодушнымъ, то уже и чувствовалъ, что я былъ поистиннѣ щастливъ. Такъ Дафнисъ, отвѣчала она ему, когда мы любили не имѣя надежды другъ друга сыскать; мы были тогда злополучны, и съ какою живостію чувствовали свое щастіе, когда мы соединились? когда мы почитали себя невѣрными, мы были нещастливы; но сколь мы теперь щастливы по открытіи обмана.

Такимъ образомъ разговаривая достигли они берега, они еще себя лобызали и Дафнисъ уже вошелъ въ лодку, когда Филлида напоминала ему съ трепетомъ о предосторожности, дабы рѣка его не похитила паки; она будучи въ такомъ беспокойствіи слѣдовала за нимъ своими очами до тѣхъ поръ, покамѣстъ не присталъ

онъ

онъ къ другому берегу, и тогда она ему повторяла еще нѣкоторые радостныя слова, на которыя и онъ отвѣтствовалъ такимъ же образомъ.

Дафнисъ переплывши рѣку увидѣлъ человѣка передъ ближнею хижиною стоящаго: онъ проливалъ слезы близь того, кому принадлежала хижина. Ахъ! сказалъ онъ, сколь я не щастенъ! естьли бы сїе дитя близь меня здѣсь играющее на травѣ не было самому себѣ оставлено. Увы! драгое нещастное дитя! но нѣтъ ты не злополучно! ты кажешь улыбку доволенъ будучи на травѣ, ты забавляешься игрою, и ты слезъ не проливаешь, когда ты видишь меня плачущаго. Я вижу твою усмѣшку дитя мое! я сїе видя проливаю слезы. Ахъ! продолжалъ онъ: я имѣлъ жилище на нижней горѣ, мои древа всю весну были обременены цвѣтомъ. Дерева моего сада расли при взорѣ ока; но сильные дожди и наводненїе рѣки

снесли мою хижину, мои древа и мой садъ, и покрыли обломками иломъ и обломками дикихъ камней тѣ мѣста, гдѣ процвѣтала надежда моего сохраненія.

Дафнисъ миновавъ сіе мѣсто съ воздыханіемъ: благословенъ буди человѣкъ вспомоществующій нещастнымъ! Боги на его призираютъ и посылаютъ свое благословеніе. Но великіе Боги для чего я бѣденъ? Ахъ! взирая на сего нещастнаго сердце мое снѣдается состраданіемъ и болѣзнію о томъ, что я не въ состояніи сдѣлать ему вспоможенія. Ахъ! я сіе чувствую, такъ я чувствую; сколько я бы былъ щастливъ, когда бы въ состояніи былъ дать помощь. Ахъ! для чего я бѣденъ? о Боги!

Дафнисъ возвратился оттуда въ свою хижину съ такою же печалію, и едва не забылъ онъ изъяснить старцу, что онъ былъ въ

хижи-

хижинѣ Филлиды, и что они соединятся брачными узами по прошествіи трехъ дней.

Лишь только солнце первые свои лучи на землю разсыпало, тогда Аристъ былъ уже предъ хижиною на травѣ покрытой росою; съ своимъ родителемъ вышелъ туда и Дафнисъ; старецъ просилъ ихъ пройти съ нимъ нѣсколько луговъ, и какъ они за нимъ слѣдовали, то повелъ онъ ихъ на ближней холмъ, съ котораго видѣть было можно всѣ во кругѣ насажденныя древа плодоносныя, которыя осѣняли луговъ зеленыя кровы. Тучная трава довольной высоты покрывала малыя бразды, чрезъ которыя протекали источники чистыхъ водъ, падающія съ холма съ пріятнымъ журчаніемъ между виноградными растѣніями, и вѣтвями дикихъ деревъ шелковичныхъ, и луга орошали. Съ одной стороны долины было обработанное поле, простирающееся на до-

 вольное

вольное растоянїе по поверхности. Въ срединѣ той же долины была хижина, предъ которою стояла беседка изъ вѣтвей Самбука, покрывающая своею тѣнїю изъ дерна сдѣланныя скамьи.

Аристъ пришедши на сїе мѣсто обнялъ Аминта и его сына: любезной другъ, и ты мой сынъ, сказалъ онъ имъ: сїя хижина, сїи древа и сей холмъ, принадлежитъ вамъ, я вамъ все сїе уступаю. Сей холмъ вчера мною куплен, я буду жить съ вами, я проведу престарѣлые мои дни въ сей хижинѣ возлѣ сего источника, подъ тѣнїю сихъ древъ, до самой моей смерти, любезные мои друзья и до послѣдняго дыханїя. Естьли я умру въ вашихъ объятїяхъ, погреби меня подъ сими двумя сплетшимися деревами, гдѣ расцвѣтаютъ сїи лазоревыя лилеи. Удивленїе и не ожидаемое щастїе чрезъ долгое время недопускали его выпустить ни одного слова. Ахъ! сказалъ онъ на конецъ, обни-

обнимая своего друга, Ахъ! любезной другъ, сколь ты великодушенъ! Ахъ съ какою радостiю протекутъ престарѣлые дни мои въ твоихъ объятiяхъ! но Дафнисъ, когда мы умремъ, погреби насъ обѣихъ вмѣстѣ подъ сими лилеями. И ты и твои потомки пускай нарекутъ древа сiи Аристомъ и Аминтомъ.

Сей нѣжный сынъ приказанiе сiе принялъ въ глубокомъ молчанiи, послѣ того пошли они вмѣстѣ на холмъ лежащей въ кустарникѣ. Дафнисъ осматриваясь на всѣ стороны примѣтилъ оттуда хижину своей Филлиды на другомъ берегу. Онъ прыгалъ отъ радости на томъ мѣстѣ, призывалъ къ себѣ старцовъ, и имъ показывалъ жилище своея пастушки. Онъ чрезъ долгое время примѣчалъ со вниманiемъ, что не можноли ему увидѣть своей Филлиды подъ зелеными аллеями стоящими предъ ея хижиною, или сквозь сплетшiяся

шїяся вѣтви, которыя закрывали ея окошки; но онъ увидѣть ее не могъ. Восхитившись своею радостїю онъ началъ пѣть громкимъ голосомъ, дабы Филлидѣ можно было услышать изъ хижины, которая хотя не была украшена, но принадлежала имъ, и при томъ выгодное мѣстоположенїе имѣла. Восходящее солнце украшало тамъ бѣлыя стѣны движущимися тѣньми отъ розъ и древесныхъ вѣтвей, которыя играли передъ окошками. Любезный Аристъ, возопилъ онъ въ восхищенїи, и онъ поспѣшалъ лобызать его руку. Послѣ сего обходитъ онъ вкругъ хижины, и вездѣ сыскиваетъ хорошїя древа, которыхъ вѣтви наклонившїяся отъ тяжести плодовъ, до самой травы, которая тамъ родилась, поддерживаемы были подставами и сплетшимися дерево съ деревомъ дѣлали сводъ.

Ахъ! Филлида, какой ты мнѣ не приносишь радости? мы здѣсь будемъ

имѣть

имѣть наше жилище! благотворительной Аристъ! возопилъ онъ, и опять возвратился прыгая, дабы облобызать его руку. Аристъ видя радующихся отца съ сыномъ, чувствуетъ сей восторгъ божественный, которой одни Боги и великодушные чувствуютъ люди; какое благополучіе видѣть восторги наполненныя благодарности тѣхъ, которымъ сдѣлали мы благодѣяніе!

Въ то время Дафнисъ съ наполненнымъ радости сердцемъ сошелъ съ холма для провожанія на поля своего малаго стада, когда Аристъ съ Аминтомъ для наслажденія пріятностьми восходящаго солнца остались на холмѣ разговаривая вмѣстѣ. Но Дафнисъ слѣдуя за своимъ стадомъ сказалъ самъ себѣ: вотъ я имѣю холмъ и хижина опустѣетъ; великіе Боги! вы услышали мои воздыханія; я теперь въ состояніи подать помощь нещастному, котораго я вчерась видѣлъ, я буду просить моего родителя,

ля, чтобъ онъ подарилъ ему хижину; когда онъ сїе говорилъ, тогда онъ соединился съ другими пастушками. Онъ началъ дѣлить съ ними свою радость, и изъяснялъ имъ, что старецъ купилъ ему холмъ; и что бракъ соединитъ его заутра съ Филлидою; и просилъ ихъ всѣхъ на сїе торжество. Боги даруютъ тебѣ щастїе, Дафнисъ! сказали ему всѣ пастухи, ты достоинъ сего жребїя; мы будемъ на твою свадьбу и увѣнчаемъ новыми вѣнками, мы принесемъ на оную согласныя флейты и приведемъ съ собою пастушекъ; послѣ сего начали разговаривать они о будущей забавѣ; они дѣлали опытъ надъ флейтами, и каждой изъ нихъ выбиралъ себѣ пастушку. Полдень насталъ не прежде, какъ уже Дафнисъ отъ нихъ возвратился. Должно мнѣ теперь возвратиться къ Филлидѣ, сказалъ онъ, а пастухи обѣщались быть на его холмѣ при самомъ наступленїи слѣдующаго утра.

Дафнисъ хотѣлъ возвратиться въ прежнюю свою хижину, но въ ней не сыскалъ ни Ариста, ни своего родителя. Къ величайшему своему удивленію вмѣсто оныхъ нашелъ того нещастнаго, котораго онъ видѣлъ наканунѣ къ себѣ идущаго. Ахъ! Дафнисъ, любезной Дафнисъ, вскричалъ сей человѣкъ, проливая источникъ слезъ. Какъ могу возблагодарить вамъ, твоему отцу и тебѣ? какъ изъясню мою радость и восхищеніе; никакія израженіи, ни самыя радостныя мои слезы изъяснить того не могутъ. Великій Боже! сколь тотъ щастливъ, руками котораго изливаешь ты благодѣянія на смертныхъ. Дафнисъ, отецъ твой подарилъ меня симъ шалашомъ и сими рощами! Дафнисъ съ восхищеніемъ обнявши сего человѣка говорилъ ему: изъясни мнѣ, скажи мнѣ сію пріятную повѣсть, какимъ образомъ сыскалъ тебя мой родитель? Сего дня, продолжалъ человѣкъ сей, мое малое дитя собирало на холмѣ ва-

шемъ

шемъ яблоки, приходитъ на него внезапно твой родитель, принимаетъ его на свои колѣни, и спрашиваетъ: кто былъ его отецъ? Филетасъ, дитя ему отвѣтствуетъ заикаяся; гдѣ вашъ шалашь? Дитя началъ плакать и ему сказалъ: мы не имѣемъ болѣе ни шалаша, ни рощей, ни садовъ. Тогда Аминтъ приказалъ ему привести меня къ себѣ. дитя сему повинуется, онъ скачетъ на землю съ его колѣней, прибѣгаетъ ко мнѣ, и приводитъ къ твоему родителю. По изъяснении мною ему моего нещастія, Филетасъ, сказалъ онъ мнѣ: сей шалашъ стоящей въ низу близь луга и рощей, которыя покрываютъ его своею тѣнію, будетъ твоимъ шалашомъ и твоими рощами. Я теперь имѣю жилище свое на семъ холмѣ, будь моимъ сосѣдомъ и моимъ другомъ. Я чаялъ слышать гласъ Божій, и почиталъ за сонное привидѣніе, я не былъ въ состояніи за сіе воздать благодарности, все, что могъ я сдѣлать

лать, то были мои слезы. Сказавъ сїе Филетесъ замолчалъ, и возвелъ очи свои на небо. Между тѣмъ, когда они такимъ образомъ разговаривали, дитя по своей невинности сидѣлъ на колѣняхъ Дафниса, онъ взиралъ на него съ улыбкою, какъ бы симъ самымъ хотѣлъ онъ оказать предъ нимъ свою благодарность. Живи щастливо Филетесъ въ своей хижинѣ, сказалъ ему Дафнисъ; да будутъ плодоносны древа твои! Произнесши сїе взялъ дитя въ свои объятїя, дабы облобызать его, которое маленькою своею рукою касалось его кудрявымъ волосамъ къ лицу для лучшаго прїятства своей усмѣшки.

Дафнисъ разстался съ ними, дабы возвратиться на свой холмъ, гдѣ онъ пересказалъ свое нечаянное восхищенїе, и сколько было ево возможности, столько поспѣшалъ переправиться чрезъ рѣку, но Филлиды еще не было у источника. Онъ сѣлъ подъ тѣнїю

ивы; солнечной жаръ и журчанїе источниковъ его усыпили. Но вдругъ пучокъ цвѣтовъ, которой упалъ на его лицо, отъ сна пробудилъ его; онъ скоро отворивъ свои глаза увидѣлъ предъ собою стоящую Филлиду и какъ она улыбалась, то онъ хотѣлъ для обнятїя броситься къ ней на шею; но онъ примѣтилъ себя связаннымъ: онъ старался освободиться, но то было тщетно и только служило сїе къ большему Филлидину смѣху, отъ котораго упалъ пукъ цвѣтовъ изъ ея пазухи. Хитрая дѣвица, сказалъ ей Дафнисъ, подожди какъ только я освобожусь, то отомщу тебѣ хорошимъ порядкомъ! Онъ произнося сїе смѣялся и обращался съ одной стороны на другую безполезно для своего освобожденїя. Между тѣмъ Филлида ему сказала; не мсти мнѣ Дафнисъ, что я тебя не развязываю, какимъ образомъ мстить ты мнѣ хочешь? Я тебя буду цаловать, сказалъ онъ, и до тѣхъ поръ

поръ не перестану, доколѣ лице твое не будетъ подобно румяной розѣ. Нѣтъ, нѣтъ Дафнисъ, отвѣчала она ему, естьли ты не обѣщаешься по прошествіи каждаго часа давать по одному поцѣлую, то я тебя не освобожду. Филлида... Сказалъ онъ ей какъ ты требуешь, чтобъ я тебѣ сіе обѣщать могъ? Но видя что въ своемъ мнѣніи стоитъ упорно, я не буду цаловать тебя сказалъ онъ на конецъ услышавъ слова сіи; пастушка его развязала. Она сама въ себѣ думала, что онъ не здержитъ своего слова, но онъ внутренно имѣя намѣреніе отмстить ей, сидѣлъ возлѣ нея не целовавши. Не прошло еще нѣсколькихъ минутъ, своею улыбкою дала знать, что она желаетъ его поцѣлуя; но онъ сего не учинилъ. Дафнисъ, сказала она ему тогда, я думаю, что уже часъ миновалъ; миновалъ часъ, сказалъ онъ, ты имѣешь еще время, когда и четверти часа не миновала. Филлида съ смущеніемъ

щенїемъ и осталась во ожиданїи; ты ошибаешься Филлида, отвѣчалъ онъ ей, едвали прошла и половина онаго. На сей случай Дафнисъ ты уже отмстилъ довольно, сказала ему Филлида, не съ трудомъ ли ты сносишь лишая меня поцѣлуя? По произнесенїи словъ сихъ она кинулась въ его объятїя; она приложила свою щоку къ его устамъ, и взирала на него съ слабымъ видомъ, которой не могъ однакожъ препятствовать смѣяться. Дафнисъ заключивши ея въ свои объятїя пустилъ тучу поцѣлуевъ на ея щоки.

Филлида, сказалъ онъ ей, прерывая слова свои поцѣлуями, Филлида, сколь великаго труда стоило мнѣ сїе мщенїе! когда вопрошали меня о моемъ стадѣ, я всегда на сїе отвѣтствовалъ въ скорости! то какъ я тебя дорогая Филлида не увѣдомлю? престарѣлой Аристъ, купилъ мнѣ странной холмъ, которой произращаетъ траву выше моего пояса, и рощи

и рощи деревЪ плодоносныхЪ, сЪ пространнымЪ шалашомЪ и источникомЪ. АхЪ Филлида! сколь пріятно намЪ будетЪ взирать на овецЪ скрывающихся вЪ густой сей травѣ около холма нашего! а между тѣмЪ я заниматься буду вЪ рощахЪ, а ты вЪ садахЪ или подЪ тѣнію. БудемЪ воздавать благодарность БогамЪ! ДафнисЪ, дорогой ДафнисЪ, отвѣчала она ему, наполнившись нѣжнѣйшими чувствіями, прижавши его кЪ своей груди. АхЪ сколько мы щастливы. Справедливо сіе, что я бы и вЪ самой бѣдности вЪ маленькой хижинѣ близкой кЪ паденію или вЪ пустомЪ лѣсу сЪ тобою была щастлива, я бы тамЪ нарвавши цвѣтовЪ сЪ дикой травы, а вмѣсто благовонныхЪ розЪ, я бы сыскала лѣсныхЪ плодовЪ и травяныхЪ корней; но Боги даровали сверхЪ сего выгоду и изобиліе. АхЪ! сколь восхищаетЪ меня наше щастіе.

Приди, любезная Филлида, сказалЪ онЪ ей, поднимая за руку и

лобызая оную, пойдемъ мы на холмъ, гдѣ растутъ сіи благоуханныя цитроны: можетъ быть мы увидимъ оттолѣ и нашъ холмъ: по семъ пошли они и въ самомъ дѣлѣ, а пришедъ подъ тѣнь многолиственныхъ цитронныхъ деревъ, Дафнисъ смотрѣлъ вокругъ себя, и въ восхищеніи вскричалъ: Филлида! видишь ли ты нашъ холмъ, я тебѣ показываю перстомъ? видишь ли сіе множество прекрасныхъ деревъ? Такъ, такъ, любезный Дафнисъ, я ихъ вижу, отвѣтствовала она, и при томъ вижу сей источникъ, которой стремитъ свои воды по злачнымъ травамъ и чрезъ кустарники, я вижу такъ же шалашъ, онъ великъ и хорошъ, съ какою пріятностію дерева поверхъ его сплетаютъ свои вѣтви, такъ какъ пляшущіе даютъ себѣ взаимно руки и подъемлютъ оные, дабы пробѣгала сквозь ихъ младая дѣвица или пригожей отрокъ. Я вижу такъ же предъ шалашомъ долгую изъ зеленыхъ вѣтвѣй

вѣй сплетенную бесѣдку. Ахъ! любезной Дафнисъ, обойми меня! сколь мы будемъ щасливы! я уже вижу, уже чувствую радость, что я буду нѣжною матерью; представляется уже мнѣ, что я забавляюся въ то время съ своимъ младенцомъ смѣющимся на моихъ коленяхъ, когда другія около насъ на травѣ рѣзвятся и играютъ съ цвѣтами, или скачутъ въ срединѣ ягнятъ, равную величину съ ними умѣющихъ. Ахъ! какая сладкая надежда! но Дафнисъ, кто ето, котораго я вижу? посмотри не теряя времени? кто ето? которой исходитъ изъ сѣни покрытой сѣдинами, и путь свой направляетъ въ кустарникъ? О Филлида! ето Аристъ, отвѣтствовалъ ей Дафнисъ. Ахъ! Аристъ, возопила пастушка вся восхитившись отъ радости, любезной Аристъ! истинной нашъ родитель.

Любезная моя, сказалъ ей тогда Дафнисъ, сѣдши между вѣтвями цитронныхъ деревъ, и взявши ее за

руку, любезное лишя! сколь я щастливЪ! ты меня любишь! твоя одна любовь, она одна, повторяю я, дѣлаетЪ меня щастливымЪ! КакихЪ радостей и какихЪ восторговЪ я не чувствую сЪ того времени, какЪ тебя любишь я началЪ? естьлибЪ ты меня не любила, увы! всѣ холмы, всѣ стада, весь свѣтЪ не былЪ бы вЪ состоянiи учинить меня щастливымЪ! но вЪ твоихЪ объятiяхЪ я человѣкЪ прещастливѣйшiй! это завтра, что я буду клясться предЪ БогомЪ любви, что я хочу тебя любить. АхЪ! Филлида, когда мои волосы покроются сѣдиною, когда сердце мое вЪ послѣдней разЪ трепетать будетЪ оно и тогда такою же будетЪ наполнено любовiю, сколько и вЪ настоящее время. АхЪ! ДафнисЪ, дорогой ДафнисЪ! сказала Филлида... и будучи не вЪ силахЪ говорить болѣе, она испустила тяжкiе вздохи, и свои щоки кЪ его щекамЪ прижала сЪ нѣжностiю.

Тако-

Таковы были ихъ восторги; они другъ друга лобызали, не могши произнести ни слова. Дафнисъ первой говорить началъ Филлида скажи ей и всѣ пастухи и пастушки веселятся о нашемъ бракѣ, всѣ радуются о нашемъ благополучiи,. и всѣ, которыя обитаютъ окрестъ нашея сѣни, обѣщались быть на нашей свадьбѣ, и я ихъ встрѣчу въ нашемъ кустарникѣ. И наши окрестные пастухи и пастушки, сказала Филлида, такъ же обѣщали быть при нашемъ бракосочетанiи. Вотъ какимъ они образомъ разговарива и съ веселостiю, зная что столько усердныхъ людей приняли участiе въ ихъ радости.

Во время ихъ такова разговора наступилъ вечеръ; Дафнисъ поднялся, чтобъ ему перейти рѣку. Они сошли съ холма, ведя одинъ другаго за руки. Ахъ возопилъ Дафнисъ: сколь я восхищенъ буду, когда слѣдующiй день наступитъ! какой хорошей день, прiемъ сему дню я учиню! съ какою

радостїю! съ какимъ восхищенїемъ! лишъ только взавтра Аврора покажется, дорогая моя Филлида, я буду уже предъ твоею сѣнью. Прежде нежели покажется Аврора, отвѣчала Филлида, такъ преже нежели завтра наступитъ Аврора я буду смотрѣть наполнившись нетерпѣливости чрезъ окошечную рѣшотку, дабы тебя увидѣть идущаго, и лишъ только я тебя увижу идущаго, сердце мое восхитится; я отъ радости проливать буду слезы, такъ точно какъ бы тебя я не видала чрезъ долгое время и при твоемъ встрѣтенїи возглашу я подобно младой ластовицѣ, когда ее мать приноситъ ей въ своемъ носѣ что нибудь для насыщенїя. Такъ, сказалъ ей Дафнисъ, ея лобзая, я принесу что нибудь насытить твои уста, я принесу тебѣ тысячу поцалуевъ.

Они не прежде разговаривать перестали, какъ Дафнисъ вшелъ въ лодку.

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ КНИГИ.

ДАФНИСЪ
КНИГА ТРЕТІЯ.



ДАФНИСЪ

КНИГА ТРЕТІЯ.

Они оба проводили въ пріятномъ сновидѣніи; но лишъ только утренняя ластовица, обитающая подъ кровлями домовъ, прилетѣла возвѣстить день, то уже согласіе многихъ флейтъ и пѣніе разныхъ пѣсенъ разсыпали сновидѣніе Дафниса. Пастухи съ своими пастушками взошли уже на холмъ, держа другъ друга за руки, что бы пѣть какую нибудь пріятную

ную брачную пѣсню предъ сѣнїю Дафнисовой. Дафнисъ въ восхитительномъ, восторгѣ востаетъ отъ сна, повторяя надежду, день сей, день мной желанный, сколько я о тебѣ радуюсь; я о тебѣ радуюсь о день щастливѣйшїй изъ всѣхъ моихъ дней! По сихъ словахъ восхищается духомъ увидя на главѣ своей вѣнокъ, имѣя темнорусыя завязанныя волосы новою лѣнтою. Онъ будучи украшенъ симъ брачнымъ торжествомъ соединился съ малыми юношами и дѣвицами, которыя, принимая его въ свое собранїе, дѣлали радостныя ему восклицанїя. Аристъ съ Аминтомъ уже соединились съ ними и радовались видя собравшихся на бракъ своего сына.

Между тѣмъ, какъ они сошли съ холма, сїи добросердечные старцы восхищены будучи радостїю слѣдовали за ними своими очами; они поспѣшали перейти рѣку, и лодки, которыя

торыя прилично были украшены зелеными вѣтьями, были уже на брегѣ. Они переѣхавши рѣку съ пѣнїемъ пристали къ другому берегу, гдѣ сыскали они другїя подобно украшенныя зеленью и лѣнтами лодки, которыя ожидали младыхъ дѣвицъ и юношь съ другаго берега. Они выходятъ на конецъ изъ лодокъ, привязываютъ ихъ къ берегу, и идутъ съ пѣнїемъ къ Филлидиной сѣни, гдѣ находилось уже великое множество младыхъ дѣвицъ и юношей сошедшихся. Но Дафнисъ оставя ихъ вошелъ въ шалашъ Филлиды, гдѣ она его для щастливаго прихода цѣловала тысячекратно.

Въ сїе время пастухи и пастушки стоя предъ сѣнїю пѣли и ихъ ожидали. Одинъ молодой пастухъ, привлекающїя красоты, и которой имѣлъ большїе желтовидные кудрявые волосы, занялъ между пастухами и пастушками мѣсто предводи-

водителя, для препровожденія ихъ на другой берегъ, съ своею изъ слоновой кости сдѣланною лирою, которую имѣлъ онъ подъ рамомъ, уподобился прекрасному Аполлону, когда былъ между пастухами; его такъ же многіе почитали сыномъ сего Бога младости; изъ окрестныхъ пастуховъ ни одного ему ни въ красотѣ, ни въ премудрости не находилось. Онъ зналъ теченіе звѣздъ и силу травъ, и хотя былъ онъ молодъ, однакожъ во всей странѣ той былъ прорицателемъ. Въ сложеніи пѣсенъ никто такъ искусенъ не былъ: все окрестное юношество пѣло новыя пѣсни его сложенія; онъ обыкновенно оными прославлялъ добродѣтель, младость и Бога любви. Въ самыхъ храмахъ въ праздничные дни пѣли его же пѣсни. Всякой разъ, когда онъ былъ съ лугахъ при охраненіи своего стада, пастухи и пастушки около его собирались и просили, чтобъ онъ на своей лирѣ сыгралъ какую нибудь пѣсню;

и тогда

и тогда они около его садились, подобно агнцамЪ, которые для избѣжанія полуденнаго зноя собирались подЪ какое нибудь дерево, простирающее надЪ ними свои вѣтви. Его пѣсни были столь величественны, что всѣ его окружавшіе забывали самихЪ себя и мнили быть между богами. Природа не обманулась вЪ томЪ, чемЪ его одарила; ибо онЪ былЪ искусенЪ вЪ вырѣзываніи на деревѣ статуй, которыя онЪ поставлялЪ вЪ храмахЪ. Поставленные вЪ гротѣ НимфЪ зраки, его тщательною рукою вырѣзаны были, имЪ же воздвигнутЪ зракЪ Пана вЪ сосѣдственномЪ лѣсу между превысокими дубами.

Нѣкогда вырѣзалЪ онЪ Купидона сЪ такимЪ искуствомЪ, что можно было узнать сего маленькаго бога по его изображенію, хотя бы онЪ былЪ безЪ стрѣлЪ и колчана. По нѣжнымЪ усмѣшкамЪ и по живому его положенію легко можно было догадаться, что

что

что сіе отроча есть самъ Купидонъ. Онъ поставилъ сіе изображеніе въ бесѣдкѣ своего сада. Въ одинъ день, когда сей пастухъ при лунномъ свѣтѣ любовную въ ней пѣлъ пѣсню, тогда онъ услышалъ тихое журчаніе, подобное тому, когда зефиры играютъ въ древесныхъ вѣтвіяхъ, или когда пчелы жужжатъ летая по цвѣтамъ; при томъ пріятное благовоніе, сладостнѣе благовонія розъ, разлилося во всемъ кустарникѣ. Купидонъ на сребровидномъ облакѣ окруженный своими спутниками, которые летали вокругъ его, низшелъ предъ сѣнь пастушкую. Сіи маленькіе божки взлетѣли иные на тонкія древесныя вѣтви колеблемыя вокругъ сѣни, другіе на цвѣты подобяся пчеламъ, летающимъ поверхъ цвѣтовъ.

Младый юноша, сказалъ Купидонъ, „знай, что мнѣ единственно весь „міръ сооружаетъ олтари и „жертвенники, меня почитаютъ

„всѣ

„ всѣ Боги. Я учинилъ Аполлоновой „ между пастухами пребыванїе завиднымъ и для самихъ небожителей; я изощряю умы, и дѣлаю смертныхъ чувствительнѣе и „ добродѣтельнѣе. Сѣдящїй на тронѣ Государь столько же меня чтитъ, „ какъ и пастухъ живущїи на лугахъ. „ Я возжигаю въ нечестивцахъ огнь „ для ихъ наказанїя. Но постоянныхъ людей жизнь я дѣлаю щастливою, изливая имъ самыя возможныя въ мїрѣ прїятности. Я вдыхаю имъ сладостныя желанїи, прїятныя грусти и восхитительныя „ томности. Но весьма мало смертныхъ, которые столько, какъ ты, „ меня чтили, я хочу учинить „ тебя щастливымъ, и никто изъ „ смертныхъ благополучнѣе тебя „ не будетъ. Такъ сказавши Купидонъ „ сокрылся.

Съ сего мгновенїя младый пастухъ возъимѣлъ самыя нѣжныя чувствова-

нія, сладостное желаніе видѣть красоту, о которой онъ прежде только воображалъ, вливаетъ въ его пріятную задумчивость. Каждой день, когда птицы возвѣщаютъ наступающее утро или когда луна начинала уже являться, входилъ онъ въ сѣнь Бога любви. Каждой разъ, когда онъ туда приходилъ, видѣлъ новой вѣнецъ на главѣ сего Бога. Онъ удивлялся сему случаю и считалъ его щастливымъ для себя предзнаменованіемъ. Въ одинъ вечеръ, находясь онъ въ сей сѣни и размышляя о сихъ вѣнцахъ, вознамѣрился бодрствовать всю ночь; при семъ случаѣ и въ самой вещи ждавъ даже до полуночи услышалъ шумъ; онъ скрылся за статую и увидѣлъ, что дѣвица кралась сквозь лѣсокъ, которымъ окруженъ былъ его садъ, она съ боязнію устремила свои стопы къ сѣни. Бѣлая одежда развѣвалась вокругъ ее, ея темнорусые волосы вѣяніемъ зефира колебались по одеждѣ и открытымъ

раменамъ.

раменамъ. Она была посредственно высока подобна Юнонѣ, кромѣ, что ея видъ не столь былъ важенъ и что ея усмѣшки были нѣжнѣе. Она вошедши въ сѣнь и съ томностію взирая на статую, Купидонъ возгласила, по томъ, воздыхая тяжко, доколѣ буду я чувствовать тобою причиненную мнѣ грусть? Увы! мое сердце все занято любовью, я воздыхаю, я вяну. Ахъ Дамонъ! естьли бы ты видѣлъ мои слезы, сіи нѣжныя слезы, которыя текутъ изъ томныхъ глазъ моихъ, ты бы ихъ съ моихъ ланитъ отеръ своими поцѣлуями, ты бы воздыхая и меня любилъ! Увы! когда я буду въ твоихъ объятіяхъ? и когда я буду щастлива? о Купидонъ! когда я восхвалю тебя уже радостными слезами?

Проговоря сіе возложила она вѣнецъ на главу Купидона. Дамонъ слушалъ ея рѣчи въ чувствительномъ восторгѣ; любовь плѣнила его сердце,

 кото-

которое уже тогда трепетало; онЪ воздохнувЪ сЪ робостїю вышелЪ изЪ за статуи, дабы не говоря ни слова броситься вЪ объятїя прекрасныя дѣвицы. И тогда почувствовалЪ, что онЪ благополучнѣе всѣхЪ смертныхЪ. ТаковЪ пастухЪ былЪ вождемЪ юныхЪ отроковЪ и дѣвицЪ другаго берега, чтобЪ ихЪ вести кЪ Филлидиной сѣни.

Сколько радостно луга и долины смѣются, срѣтая восходящее изЪ за горЪ солнце, столько же пастухи и пастушки радовались срѣтая Филлиду исходящую изЪ сѣни. ДафнисЪ велЪ ее за руку и былЪ прекрасенЪ какЪ младый БахусЪ. ОнЪ усмѣхался подобно Богу любви; мать восхищена будучи радостїю и усмѣхаяся какЪ самая юность, за ними слѣдовала. По семЪ идутЪ попарно пастухи и пастушки и входятЪ вЪ приготовленныя для ихЪ лодки, которыхЪ было на той рѣкѣ множество. Говорятъ,

рятъ, что Боги любви летѣли безпрестанно поверхъ сихъ лодокъ; а сїе можно было примѣтить по нѣжному листья колебанїю, по прїятному отъ розъ запаху, и по другимъ разнымъ нѣжностямъ, которыя играли въ лѣнтахъ и воцвѣтахъ на выяхъ младыхъ пастушекъ. Тогда переправившись на другой берегъ каждой пастухъ пожимая руку своей пастушки помогалъ ей выйти изъ судна. Дафнисъ и Филлида предшествовали имъ на холмъ, съ котораго Аминтъ исполненъ будучи радости идетъ на встрѣчу Филлидиной матери съ распростертыми руками. Я тебя поздравляю, говорилъ онъ пожимая у нее обѣ руки, я тебя поздравляю, о супруга самаго вѣрнѣйшаго моего прїятеля! коль благополучные дни опредѣлены нашей старости, да будетъ щастливъ сюда приходъ твой! между тѣмъ Аристъ поцѣловалъ Филлиду.

Младыя юноши и дѣвицы взявшись за руки составили кругъ около олтаря посвященнаго Богу любви, и начали пѣть брачные пѣсни. Дафнисъ и Филлида стояли предъ олтаремъ Никогда столь прекрасная и столь нѣжная чета не приносили такой жертвы Купидону. Они увѣнчаны были бѣлыми и румяными розами, цѣпь изъ разныхъ цвѣтовъ сплетенная висѣла съ ихъ плечь и собою ихъ опоясала. Дафнисъ имѣлъ въ рукѣ своей голубя, а Филлида голубку; по семъ закалаютъ сіи жертвы, которыя своими крыльями ударяютъ по тѣмъ рукамъ, которыя ихъ закалали. Филлида тронутая сожалѣніемъ вострепетала, когда закололи ея голубку. По совершеніи жертвенныхъ обрядовъ положили жертвы на камень опредѣленный нарочно для сего употребленія. По томъ излили на нихъ медъ и масло, и покрыли вѣтвіями различныхъ благоуханныхъ деревъ. Каждое подружіе дѣвицъ и отроковъ

роковъ наконецъ выступаетъ, дабы положить вѣнокъ на сїи жертвы, которыя въ скоромъ времени объяты были пламенемъ. Облако прїятнаго запаху простерлося къ небесамъ вкупѣ со гласомъ брачныхъ пѣсенъ.

„О любовь! пѣли они при игранїи „свирѣлей, о сладчайшая любовь! о „коль утѣшно и сладостно любить „и быть любимымъ! боги любятся „въ рѣчныхъ струяхъ, нѣжной со„ловей воспѣваетъ тебя чрезъ всю „весеннюю ночь! о любовь, тебѣ все „подвластно, тебѣ все подвластно, „о нѣжный богъ любви!

„Любовь не имѣетъ ли своего сѣме„ни и въ малыхъ отрокахъ, кото„рые еще говорить не умѣютъ, и „которые усмѣхаяся играютъ съ „цвѣтами! любовь раждается какъ „нѣжный цвѣтъ въ первый весеннїй „день! о любовь, о нѣжный богъ любви!

„Кто не чувствуетъ любви, того „жизнь подобна свирѣпой зимѣ; кто

„не чувствуетъ любви, тотъ подо-
„бенъ источнику, текущему безъ вся-
„каго журчанія. Кто не чувствуетъ
„любви, тотъ подобенъ птицѣ безгла-
„сной, которая не поетъ, и засох-
„шему дереву, которое никогда не
„разцвѣтаетъ. О любовь! о нѣж-
„ный Богъ любви!

„Самые цвѣты не пріятнѣе ли
„изливаютъ запахъ для всѣхъ лю-
„бящихся, и кристальные источ-
„ники не съ пріятнѣйшимъ ли про-
„текаютъ журчаніемъ, всѣ птицы
„не наполняютъ ли воздухъ въ честь
„Гиминея? о любовь! о нѣжный богъ
„любви!

„Пусть Панъ охраняетъ ваши
„стада, пусть Церера и Бахусъ ох-
„раняютъ ваши плоды, пусть до-
„машніе боги благопріятствуя вамъ
„обитаютъ въ вашихъ хижинахъ;
„и ты! о Гиминей! пламенникомъ сво-
„имъ воспламеняй ихъ кровь, дабы
вѣчно

„ вѣчно между ими любовь не охла-
„ дѣла, о Гиминей! о нѣжный богъ
„ любви!

Между тѣмъ отецъ Дафнисовъ и Аристъ въ честь Пану, покровителю земледѣлїя, изъ стадъ закалали на высотѣ овна, увѣнчавъ рога его плющемъ и сосновыми вѣтвїями; мать Филлидина уединясь приносила мольбы богинѣ домостроительства и женскихъ таинъ.

Наконецъ они всѣ собрались въ сѣнѣ, гдѣ мать Филлидина прїуготовила столъ съ различными мясами и плодами и при томъ цвѣтами украшенный. Они сѣли во кругъ стола. Дафнисъ и Филлида сидѣли посреди, такъ равно, какъ въ соразмѣрномъ вѣнкѣ лилея и розы должны помѣщены быть посрединѣ бѣлаго пастушкина чела. Немедлѣнно прїятныя усмѣшки и забавныя повѣсти, которыя пастухи расказывали сидящимъ

щимъ близь себя пастушкамъ, сдѣлались утѣхою пирующихъ. Въ скоромъ времени послѣ того, всѣ вышли изъ сей сѣни, дабы начать еще игры увеселительнѣйшія. Начали они плясать, составя кругъ и держа другъ друга за руки. Дафнисъ предводительствовалъ пляскою, Филлида заключала кругъ, пляшучи они приближались другъ къ другу и взаимно цѣловались. По томъ, когда заключался кругъ, они плясали. Иногда Дафнисъ и Филлида плясали одни посреди круга, прочїяжъ пастушки и пастухи плясали во кругъ ихъ, и тогда лутчїе плясавцы и плясавицы другъ къ другу приближались, дабы плясать какъ жнецы, сѣятели, и собиратели винограда; они плясали другъ противъ друга, а прочїе пѣли пѣсни свойственныя жнецамъ, сѣятелямъ и собирателямъ винограда. Въ круговыхъ оборотахъ младые юноши столь скоро обращали младыхъ дѣвицъ, что бѣлые одежды ихъ развѣвались по

воздуху

воздуху. Утомясь отъ пляски возвращались они въ сѣнь, дабы прохладиться подъ тѣнію, есть плоды шутить и раскызывать другъ другу забавныя повѣсти.

Любимый мною пастухъ весьма хорошо въ нѣкоторой день обманулся, говорила одна красавица, держа своего пастуха за подбородокъ, такъ онъ весьма обманулся (сіи слова относились къ Филлидѣ). Я ему обѣщалась притти въ рощу въ нѣкоторой назначенной часъ; но бѣдной мой пастухъ долженъ былъ очень долго меня дожидаться, наконецъ я прибѣжала туда безъ цвѣтовъ, имѣя волосы растрепаны, и цѣпь изъ цвѣтовъ сплетенную изорвану...... Такъ отвѣтствовалъ пастухъ. Но пастушка перервавши его слова говорила: я хотѣла его обнять, продолжала пастушка краснѣя, но онъ удалился, ахъ! пастухъ, я ему говорила, я ранѣе сего притти не могла, Дametъ, дорогой Дametъ, прибѣжалъ

жалъ ко мнѣ, когда я готовилась съ тобою видѣться; онъ скочилъ мнѣ на колѣни и рѣзвясь изорвалъ мой вѣнокъ, взялъ съ груди моей цвѣты, говоря сіе: я хотѣла его обнять! но онъ убѣжалъ на меня сердяся. Не убѣгай пастухъ, вскричала я, Даметъ принесетъ мнѣ другихъ цвѣтовъ. При сихъ словахъ онъ удвоилъ свои шаги, и я смотрѣла въ слѣдъ его, я видѣла какъ онъ билъ ногами въ землю . . . Такъ, перерываетъ рѣчь ея пастухъ, я тогда былъ гнѣвенъ, жестокая говорилъ я самъ съ собою, ты мнѣ невѣрна, и можетъ быть ты давно уже меня обманываешь, и въ сіе время, когда уже изъяснила, ты хочешь невѣрности, хочешь меня обнять, будто бы не могъ, оскорбиться твоею невѣрностью. Я говорилъ еще много другаго сему подобнаго, и въ гнѣвѣ своемъ бѣгалъ туда и сюда, и бѣгая нашолся близь нея, не знаю самъ какимъ образомъ. Я трепеталъ, я плакалъ отъ досады и гнѣва, но взирая

на нее

на нее увидѣлъ я прекраснаго младенца играющаго на ее колѣняхъ; она съ нимъ играла и клала ему цвѣты на грудь, видишь ли ты несправедливой пастухъ, говорила она мнѣ, устремивъ на меня взоръ сколь нѣжный, столь и печальный, видишь ли, что маленькой Даметъ принесъ мнѣ другихъ цвѣтовъ? Ахъ! етотъ ли Даметъ, вскричалъ я со удивленіемъ, етотъ ли онъ, которой изорвалъ твои цвѣты и вѣнки? Между тѣмъ я стыдился, и при томъ радовался узнавъ свою ошибку..... Такъ говорю я ему, говоритъ пастушка, вотъ Даметъ, для чего ты сердишься столько, любезной пастухъ; но знай, что ничто не будетъ впредь мнѣ препятствіемъ приходить къ тебѣ скоро, я въ томъ тебя увѣряю для того, что медлѣніе приводитъ тебя въ гнѣвъ. Тогда ты ко мнѣ приближился, пожалъ мою руку и слезя положилъ твою голову на колѣни. Чѣмъ больше я тебѣ говорила, встань любезной пастухъ, я

тебя

тебя поцѣлую, тѣмъ больше ты плакалъ и говорилъ: нѣтъ я не достоинъ, чтобъ ты меня цѣловала. Такимъ образомъ окончала дѣвица свою повѣсть, и оборотилась къ любезному пастуху, чтобъ его поцѣловать.

Ахъ! сколь пріятно примиряться такимъ образомъ, сказала Филлида цѣлуя Дафниса; такъ любезная пастушка, я никогда не былъ столько восхищенъ, какъ примиряясь съ тобою послѣ Ламонова обману.

Въ нѣкоторый день обманула меня пастушка, говоритъ пастухъ держа на своихъ колѣняхъ любимую имъ красавицу, которая усмѣхалась слыша его повѣсть. Лежалъ я нѣкогда на берегу рѣки, спокойнымъ наслаждаяся сномъ, какъ вдругъ возбудилъ меня пріятной голосъ сими словами: ахъ пастухъ! каждой разъ, когда ты приходишь на берегъ сей рѣки, я воздыхаю, мучусь и рвуся видя тебя про-

прохаживающагося, и когда удаляешься со брегу, ничто тогда не можетъ сравниться съ моимъ сѣтованїемъ; напротивъ того сколь мнѣ радостно, когда ты здѣсь покоишься, я тогда прихожу и тебя цѣлую, такъ я уже не могу болѣе скрыть сердечнаго чувствованїя, я тебя люблю. Нимфа тебя любитъ, прилично ли, чтобъ я въ томъ призналась? Такъ Нимфа сколь прекрасна, столь и млада? не любить ли ты ее равно младый пастухъ? Нѣтъ Нимфа отвѣтствую я ей, я не могу тебя любить, я уже люблю пригожую дѣвушку. Но продолжаетъ Нимфа, естьли бы ты меня видѣлъ, естьли бы ты видѣлъ мои волосы развѣваемые по моимъ раменамъ бѣлѣйшимъ снѣга, и по моему стройному стану, естьли бы ты видѣлъ румянецъ моихъ ланитъ, мои уста, и голубые глаза, ты бы съ охотою пастушкѣ своей предпочелъ Нимфу. Ахъ! я не могу тебя любить Нимфа, отвѣтствовалъ

ствовалъ я ей, и ты не оскорбись за сїе, хотя бы красота твоя подобилась Грацїи, и самой Венеры, я не могу тебя любить; я люблю Клою и ее не оставлю вѣчно. Я иду отсюда нещастная Нимфа, я оставляю сей берегъ, и не возвращусь прежде, доколь не погаснетъ твоя любовь. Ахъ! какъ ты жестокъ, отвѣтствуетъ Нимфа, я тебя буду гнать повсюду, и сатиры похитятъ твоихъ овецъ, и тебя самого бросятъ въ рѣку. Увы! отвѣчаю я, хотя бы и сатиры лишили меня жизни, я не могу любить никого, кромѣ Клои. Нимфа продолжала еще свои рѣчи, они похитятъ отъ тебя твою Клою; и вдругъ ея слова перемѣнились въ громкой смѣхъ, и моя Клоя смѣясь изъ всей мочи вышла и мнѣ говоритъ: я не могу здѣсь скрываться долѣе любезной пастухъ. . . . . Возможно ли было мнѣ не смѣяться, ты едва не осердился на Нимфу. Но сколь для меня радостно и прїятно внимать толикїе

знаки

знаки твоей вѣрности, сказала она мнѣ обнимая съ нѣжностію.

Среди сихъ увеселеній вечеръ уже приближился и спокойная луна взошла, Дафнисъ и Филлида всѣхъ пастуховъ и пастушекъ собрали въ свой шалашъ. Дыня въ кореневой корзинѣ посреди вѣнконъ и виноградныхъ кистей лежащая по видимому приглашала къ себѣ гостей и совѣтовала сѣсть за столъ, гдѣ находились также румяныя яблоки и груши. Также въ изобиліи на блюдахъ между цвѣтовъ и благоуханныхъ травъ, видимы были гранаты, финики, оливки и всякаго рода плоды, которые пріятствующая приноситъ. Я говорю о плодахъ покрытыхъ корою мягкихъ и твердыхъ, при томъ чаши наполненныя старымъ и новымъ виномъ, увѣнчанныя плющемъ, посвященныя Бахусу возвышались между блюдами.

Едва только они сѣли за столъ, то младый Дамонъ, имѣя изъ слоновой

кости сдѣланную лиру, и которой прежде вырѣзалъ статую Бога любви, приближился къ Дафнису и подая ему большой кубокъ, прими говоритъ, прими любезный другъ сей кубокъ, я его сдѣлалъ для тебя; онъ будетъ залогомъ нашей дружбы, пусть онъ наполненный виномъ обойдетъ кругомъ столъ, и кто изъ него выпьетъ, тотъ долженъ спѣть пѣсенку. Дафнисъ принялъ сей кубокъ съ радостїю, говоря Дамону, я за велико почитаю твое дружество, и осматривая кубокъ удивлялся чрезвычайному искуству; тутъ изображенъ былъ веселой Бахусъ, сидящей на колесницѣ, влекомый усмиренными тиграми, Силенъ слѣдовалъ за колесницею съ видомъ показывающимъ удовольствїе. Смѣющїися Фавны сѣдящаго его на ослѣ поддерживали съ обѣихъ сторонъ. Хоръ составленный изъ Нимфъ, сатировъ и Фавновъ слѣдовали за Силеномъ, играя тирсами, раковинами и флейтами, которыя они несли

несли на своихъ плечахъ. Спутники Бога любви разсыпая разные цвѣты метали поверхъ сего хора вкругъ вѣнца, которой былъ вырѣзанъ на краю сего кубка. Самъ Купидонъ зрѣлся посреди ихъ; онъ металъ стрѣлы во груди Нимфъ, изъ которыхъ иныя смѣялись его шуткамъ, другія убѣжавъ отъ его, по видимому возвращались вторично, чтобъ видѣть, довольно ли они близко находятся, чтобъ могъ Купидонъ ихъ примѣтить и поразить стрѣлами.

Дафнисъ наполнивъ тогда кубокъ пѣнящимся виномъ воспѣлъ... „О вино, коль ты пріятно въ рукахъ моея „пастушки, и когда ты сопровождаемо бываешь ея лобзаніемъ, я тогда пью едину радость; для того „что поцѣлуй моей любезной пастушки исполняетъ сердце мое радостію! я насажду при холмѣ виноградъ священной для Бахуса и для „Купидона, и подъ вѣтвями его на ко-

 „лѣняхъ

„ лѣняхъ пастушки буду благода-
„ рить Купидону за восторгъ мой, а
„ Бахуса за мое веселіе.

Воспѣвъ такимъ образомъ подалъ кубокъ Филлидѣ, которая приняла и усмѣхаясь начала пѣть..... „ Роза, „ мой любезный Дафнисъ, будетъ тебя срывать, и лобзая меня восхищенный радостію, положитъ тебя „ на мои перси, дабы ты пріятной „ имѣла запахъ; тогда то я почувствую радость; ибо радостный поцѣлуй, любезнаго моего пастушка, „ исполнитъ сердце мое веселіемъ. „ Дражайшій пастухъ насади виноградъ, для Бахуса и для Купидона; „ я насажду также розы для любви „ Бога и въ твоихъ объятіяхъ принесу ему благодарность за мои восторги.

Такимъ образомъ кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, умножалъ бодрость, усугублялъ пріятныя усмѣшки, и прот-

прочїя забавы, каждой пѣлъ пѣсни или веселыя или страстныя. Нѣкто молодой пастухъ запѣлъ еще такимъ образомъ. . . . „Я долженъ былъ любить тебя, нечувствительная и „несклонная пастушка; но продолжай твою нечувствительность и „злость, презирай, естьли хочешь, „любовь, убѣгай меня самого; естьли „ты желаешь для меня нѣтъ нужды. Какъ изъ чистаго и глубокаго источника почерпала ты воду „для своихъ овецъ, и когда наклонившись въ него отняла свое покрывало, я нещастной, я видѣлъ твою „грудь открытую.

По семъ юная пастушка начала пѣть столь нѣжно, какъ младой жаворонокъ. . . . . „Нѣтъ я не буду „въ вѣкъ чувствовать любви, я повторяю то всегда, когда только вижу на древесныхъ вѣтвїяхъ цѣлующихся птичекъ. Я говорю, тогда я не буду въ вѣкъ чувствовать

„любви

„ любви! Когда я вижу пастуха, се-
„ го пастуха смугловатаго нѣсколько,
„ я тогда говорю, пастухЪ я не хо-
„ чу чувствовать любви; ахЪ! прот-
„ чїя дѣвицы, которыя ощущали лю-
„ бовь, скажите мнѣ, нѣчего мнѣ опа-
„ саться, хотя я вздыхаю каждой
„ разЪ, когда говорю сему пастуху, я
„ не желаю любви чувствовать.

Тогда кубокЪ дошелЪ уже до рукЪ ДамоновыхЪ; ДамонЪ, возопили тогда всѣ дѣвицы и пастухи, ты равно намЪ также долженЪ спѣть пѣсенку, гдѣ твоя лира? НѣтЪ, отвѣтствуетЪ онЪ, я не хочу играть, я хочу пѣть безЪ лиры, какЪ вдругЪ одна веселая дѣвушка усмѣхаясь подала ему лиру. Всѣ дѣвицы и пастухи восплескали руками, нѣтЪ ты теперь не отрѣчеться, ты долженЪ непремѣнно играть; онЪ принялЪ лиру и всталЪ; всѣ бывшїе шумЪ умолкли, приуготовляясь кЪ вниманїю пѣсни, и едва слышно было малое колебанїе

лебанїе вѣнковъ. Дамонъ соединилъ тогда голосъ свой съ прїятнымъ тономъ лиры.

„ Ощущайте любовь, и пейте радостно пастухи и пастушки, пусть „ сердца ваши исполняются восторговъ, и пусть веселїе изобразится „ на челахъ вашихъ и на розовыхъ „ ланитахъ. Верьте мнѣ юные пастухи, я видѣлъ Бахуса, сего Бога „ увеселенїй, Бога всегда прїятнаго; „ онъ лежалъ подъ тѣнїю въ зеленой „ сѣни опершись на великой сосудъ „ виномъ наполненной, вкругъ котораго колебались виноградныя вѣтьви. И Купидонъ оперщись одной рукою на колѣно Бахусово, другою возлагалъ на главу свою вѣнокъ сплетенный изъ виноградныхъ вѣтвей; „ упоенныя фавны не крѣпко стоя на „ ногахъ плясали съ Нимфами, и плящучи наклонялись, чтобъ поднять „ на воздухъ Нимфъ и лобызать ихъ „ трепещущее сердце, сколько въ прош-

 „ чемъ

„ чемъ онѣ ни старались имъ проти-
„ виться. Любовь, говоритъ Бахусъ,
„ о любовь! безъ тебя вино слабо,
„ и сердце, которое не трепещетъ
„ отъ любви, есть праздно. И самый
„ Нектарь безъ тебя о любовь так-
„ же слабъ, недопусти, чтобъ мое серд-
„ це было хоть на минуту не согрѣ-
„ ваемо тобою. Я долженъ чувство-
„ вать любовь, дабы чувствоть, что
„ я Бахусъ. Отвѣтствуетъ ему Ку-
„ пидонъ, любезный Бахусъ, сколько
„ благодарностей я долженъ принесть
„ изобрѣтенному тобою вину. Ты обо-
„ дряешь робкаго, ты воспламенаешь
„ любовь уже почти погасшую; лю-
„ бовь осѣнненая тѣнію бутылокъ
„ еще вливаетъ пріятности и въ
„ хладную старость; равно какъ солн-
„ це, когда оно спускается къ вечер-
„ нему оризонту; ты возобновляешь
„ радости, и дѣлаешь пріятнѣйши-
„ ми поцѣлуи. Такъ я долженъ пить,
„ чтобъ чувствовать, что Купидонъ
„ Богъ любви и восторговъ. Таковы

были

„ были разговоры сихъ Боговъ. Ощу-
„ щайте любовь, и пейтѣ радостно
„ пастухи и пастушки, пусть серд-
„ ца ваши исполняются восторговъ,
„ и пусть веселіе изобразится на че-
„ лахъ и на розовыхъ ланитахъ. Во-
„ спѣвъ такимъ образомъ юный Да-
„ монъ выпилъ кубокъ.

Пастухи и пастушки пребывали чрезъ долгое время столь спокойны, какъ будто бы внимали еще пѣнію. Такимъ образомъ увеселялись они пѣніемъ, пляскою, лобзаніемъ и напитками до тѣхъ поръ, какъ уже луна взошла высоко. Послѣ чего они оставили сѣнь и проводили Дафниса и Филлиду въ брачный чертогъ; они скакали, играли на флейтахъ, плясали какъ Бакханки во время собиранія винограда; о Гименей, пѣли они, о сладостный

достный брака Богъ! согласный голосъ Дріады слышанъ былъ въ спокойной сѣни, и соловьи на ближнихъ деревахъ воспѣвали также пѣсни въ честь Гименею.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ КНИГИ.








АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

